

А. И. ПАВЛОВСКИЙ

ТВОРЧЕСТВО В. ТЕНДРЯКОВА

1. В РУСЛЕ «БЕЗМЯТЕЖНОГО ЖАНРА»

За последние годы стремление советских писателей к правдивости и всесторонности в изображении жизни деревни заметно усилилось. Этому способствовала главным образом работа партии по искоренению серьезных недостатков, обнаружившихся в нашем сельском хозяйстве.

Те стороны жизни, мимо которых литература в первые годы после войны нередко проходила, после 1953 года оказались в центре внимания советской общественности.

Вслед за В. Овечкиным и А. Калининым, писателями, которые и в годы существования «теории бесконфликтности» создавали острые произведения о деревне,¹ в литературу пришли новые талантливые люди, целая плеяда блестящих очеркистов и рассказчиков, превосходно запечатлевших сложный период перестройки сельского хозяйства. В произведениях В. Тендрякова, С. Залыгина, Леонида Иванова, Г. Бакланова, Ивана Антонова и многих других читатель увидел не только правдивое и точное освещение различных экономических вопросов, но и достаточно большую и разнообразную галерею новых типов, до тех пор не известную литературе.

Заметной особенностью многих очерков и рассказов о деревне, опубликованных в 1953—1958 годах, является их возросшая критическая направленность, упор в них сделан на исследовании всего того, что так или иначе мешало развитию колхозной жизни. Разумеется, изображение положительных явлений по-прежнему оставалось в центре внимания советских

¹ См., например, очерки В. Овечкина «Рекорды и урожай» (1946), «О людях без стельки» (1948), «Лавулирующие» (1952), А. Калинина «Что такое отстающий колхоз» («Литературная газета», 1948, № 80).

писателей, но, как справедливо заметил в своих «Заметках о литературе» (1955) А. Фадеев, «во многих произведениях все антиобщественное и обветшалое, мешающее росту хозяйства и культуры и самого человека, подвергается более острой критике, чем это имело место в прошлом».² Стремление понять причины недостатков, указать на те из них, которые пока что остались незамеченными, желание оперативно, практически, с достоверными фактами в руках вмешаться в благотворный процесс перестройки — это характерные особенности современной очерковой литературы.

Лучшим очеркистам нашим никогда не было свойственно стремление к мелочной сенсационности в подаче «отрицательного материала», как не было и растерянности, неуверенности в силах народа и партии.

Основная, если можно так выразиться, интонация всей очерковой литературы — деловитая, хозяйская, гражданская. Писатели вместе со всей страной думают, бьются над решением сложнейших экономических и этических проблем, выдвинутых временем. «Надо бы как-то иначе начислять нам трудодни. Не только за выработку, но и за урожай». — размышляет, советует в своем очерке «На переднем крае» В. Овечкин.³ «Надо бы директорами МТС назначать председателей колхозов, а не инженеров с производства, незнакомых с сельским хозяйством», — настойчиво уверяет Леонид Иванов.⁴

Это «надо бы», выражающее искреннее желание помочь, посоветовать, как нельзя более характерно для современного очерка, стремящегося активно вмешиваться в жизнь.

На формирование В. Тендрякова, писателя правдивого и острого в изображении сложных и драматических сторон жизни, это время решительного преодоления крупных недостатков в хозяйстве страны оказало решающее влияние. Именно с 1954 года начинается его быстрый писательский рост, его гражданское возмужание. По его собственным словам, партийные решения были для него мощным стимулом гражданского развития.

Насколько глубоко и ответственно отнесся В. Тендряков к своему писательскому, партийному долгу, показывает та творческая эволюция, которую он пережил от своих первых очерков, печатавшихся в «Огоньке» и «Смене» в самом начале 50-х годов, когда он еще был студентом Литературного института, до таких

² Александр Фадеев. За тридцать лет. Изд. «Советский писатель», М., 1957, стр. 617.

³ Валентин Овечкин. Избранное. Гослитиздат. М., 1955, стр. 438.

⁴ Леонид Иванов. Сибирские встречи. «Сибирские огни», 1956, № 4, стр. 22.

широко известных вещей, как «Падение Ивана Чупрова», «Не ко двору», «Тугой узел», «Ухабы».

Эти его первые очерки ничем не выделялись из общей массы очерковой, корреспондентской продукции тех лет. Как это нередко бывает с начинающими очеркистами, он старательно фиксировал факты, которые удобно «ложались» в заданную редакцией тему, не особенно к тому же вдумываясь в их смысл и, очевидно, даже не замечая тех фактов, которые в тему «не ложились». Репортажная бодрая скороговорка, несколько фамилий вместо характеров, диалог (для «художественности»), трафаретная концовка с каким-нибудь «красивым» пейзажем, заключающим разговор с героями очерка, — вот и вся привычная для него тогда незамысловатая очерковая «фактура». Так написаны очерки «Школьный инспектор» («Огонек», 1952, № 5), «Соседи» («Огонек», 1952, № 46), «Однажды вечером» («Огонек», 1952, № 41), «На рыбацком сейнере» («Огонек», 1952, № 34), «В одной семье» («Смена», 1952, № 21) и др.

Характерно, что даже очерки о колхозной жизни, изображение которой станет впоследствии основной темой его творчества, так же поверхностны и неинтересны, как и очерки об учителях или каспийских рыбаках. Мы говорим «даже», потому что если считать причиной всех неудач (не одного только В. Тендрякова) плохое знание жизни, то как раз жизнь деревни была ему и в те годы известна гораздо лучше, чем, скажем, труд каспийских рыбаков или школьного инспектора: до своего поступления в Литературный институт (1946 год) он работал секретарем райкома комсомола в Кировской области.

Те трудности в сельском хозяйстве, которые вскоре были раскрыты в известных постановлениях ЦК партии и которые стали затем в центре художественного внимания самого В. Тендрякова, не нашли в его произведениях этих лет ни малейшего отражения.

Тут, к сожалению, В. Тендряков разделил судьбу тех своих современников-очеркистов, которые, по справедливому замечанию С. Залыгина, делали из очерка «самый безмятежный жанр...», потому что не вникали достаточно глубоко в нужды народной жизни.⁵ С. Залыгин отмечает и другую характерную особенность подобных очерков — их стилистическую бесцветность, отсутствие какого-либо своеобразия, творческого индивидуального лица у их авторов, слащавый, приглаженный, штампованный язык.

⁵ С. Залыгин. Точка зрения писателя. В сб.: «Жизнь колхозной деревни и литература», Изд. «Советский писатель», М., 1956, стр. 218.

Это же можно сказать и о раннем В. Тендрякове. Отсутствие своего угла зрения на жизнь, отсутствие элемента исследования действительности с целью самостоятельного открытия в ней неизвестных или неясных еще закономерностей и типов лишало его очерки той поры сколько-нибудь заметной свежести и оригинальности.

В. Тендряков, каким мы его сейчас знаем, склонен, как известно, к сюжетам драматически напряженным, к коллизиям запутанным и сложным, требующим глубокого психологического анализа. Его произведения всегда держат читателя в напряжении — и держат не силою какой-либо внешне занимательной интриги, а детальным, точным и правдивым воспроизведением жизненного явления, словно бы взятым под некий психологический рентген. В раскрытии внутренней сути жизненного явления, в установлении его истинной социальной значимости заключается наиболее сильная сторона его дарования.

Ничего этого не было в его первых очерках. Они очень статичны, хотя, на первый взгляд, в них много действия: мы видим автора то в машине, то в самолете, то на рыбацком сейнере; перед нами мелькает много людей и происходят различные события. Но все это рассыпается на ряд разрозненных зарисовок-наблюдений, не проникнутых организующим началом исследовательской мысли, и больше напоминает те плохие фотографические снимки, что одновременно похожи и непохожи на отразившуюся в них жизнь.

О своеобразии стиля здесь не могло быть и речи — ведь своеобразие стиля — это своеобразие авторского взгляда, особенность авторской позиции, оригинальность и самостоятельность выражаемой им мысли.

Почему же именно такие очерки писал тогда В. Тендряков?

Конечно, здесь многое объясняется, вероятно, и тем самым простым и очевидным обстоятельством, что это была пора литературного ученичества. Но и при литературной неумелости молодой писатель, неплохо знавший деревенскую жизнь, очевидно мог бы все же затронуть какие-то важные общественные вопросы. Кроме того, литературная неумелость не была тогда, если можно так сказать, постоянным качеством В. Тендрякова. Он почему-то был очень неумелым именно в этих очерках, но значительно раньше их, в 1947 году, им был написан превосходный рассказ «Дела моего взвода»,⁶ а первая крупная (ненапечатанная) вещь, «Возмужалость», по словам Лидии Сейфулли-

⁶ Альманах «Молодая гвардия», № 1, 1948.

ной, при многочисленных недостатках обладала «бесспорными достоинствами».⁷

Итак, необходимое *литературное умение* у В. Тендрякова, оказывается, было, но в его очерках на современные темы почему-то почти не чувствовалось. Было, надо думать, и определенное *знание жизни*, вынесенное им из непосредственной комсомольско-партийной работы на периферии.

Недоуменный этот вопрос — почему в те годы В. Тендряков не писал острых очерков о современности — можно было бы обратить не только к нему одному, но ответить на него не так-то просто: для этого нужно глубокое и всестороннее исследование литературы тех лет, исследование, которое еще не начато ни критиками, ни историками литературы, и потому мы затронем лишь одну, но, как нам кажется, весьма существенную сторону этой сложной темы.

В современной критике были попытки объявлять всех писателей, не показавших в первые годы после войны жизненных трудностей, сплошь преднамеренными конъюнктурщиками и приспособленцами. Такая категоричность грешит упрощенчеством и несправедливостью.

С нашей точки зрения, гораздо существеннее и опаснее для литературы оказалось то обстоятельство, что некоторые писатели совершенно *искренне* склонны были считать одно время каноны и требования бесконфликтности подлинными требованиями социалистического реализма и просто переставали видеть (или старались не видеть) тех явлений жизни, которые, как им казалось, не могли им помочь отразить именно «правду жизни». Вот признание М. Жестева в его книге «Под одной крышей»: «Я вспомнил, — пишет М. Жестев, — все, что писал о Замостье, вспомнил все свои разговоры с замостинцами, в которых будущее колхоза мне рисовалось в самом заманчивом виде, — и вдруг все обернулось по-другому. Может быть, я увлекся и в поисках хорошего не замечал плохого, проходил мимо него, а когда и видел, то не придавал ему особого значения? Разве, например, и прежде не процветала во многих семьях половинщина? Одни члены семьи были колхозниками и работали в поле, а другие вышли из колхоза и пристроились на плитоработках, в учреждениях райцентра, в лесничестве? А теперь вот многие из тех, кто еще оставался в колхозе, тоже ушли на сторону. Где же ты был, писатель, почему не видел этого, не обратил на это внимания, а устремил свои глаза на колхозное поле, где Анна Зепина на звеньевых делянках выращивала большие урожаи! А может

⁷ Лидия Сейфуллина. Из рабочего блокнота (1930—1952). «Москва», 1957, № 3, стр. 176.

быть, ты побоялся сказать горькую правду? Нет, если бы я ее увидел, то не утаил».⁸ «Если бы я ее увидел» — это очень точно сказано.

Одностороннее, иллюстративное изображение жизни по предвзятой схеме, без глубокого ее осмысления вредило, разумеется, и чисто художественной стороне произведений, в том числе и очерковых, не могущих, как известно, жить без авторской мысли об увиденном и изображенном, без поиска и исследования.

Потому-то и получилось, что, обладая уже необходимой литературной умелостью, несомненным талантом и знанием жизни, В. Тендряков написал, однако, произведения очень слабые даже в чисто художественном отношении.

Постановления ЦК партии по вопросам сельского хозяйства показали В. Тендрякову и многим другим писателям пример по-настоящему глубокого подхода к жизни. Знакомый уже материал стал поворачиваться перед ним новыми сторонами; то, от чего он склонен был отвернуться, сделалось сейчас предметом его специального пытливого внимания и беспощадного, трезвого анализа. Он обратил внимание на мало изученные литературой стороны жизни, которые не часто освещались писателями в первые годы после войны.

То же можно сказать и о многих других писателях, посвятивших свое творчество изображению колхозной деревни и именно в последние годы, благодаря стремлению к всестороннему и правдивому освещению жизни, достигших больших художественных успехов, — о Г. Троепольском, С. Воронине, М. Жестеве, И. Антонове, С. Зальгине, Л. Иванове, Г. Радове, А. Исетском, О. Марковой, Т. Журавлеве, Г. Бакланове. . .

К сожалению, эта линия в нашей литературе мало исследована в критике.

Более того, имелась тенденция замечать и хвалить в произведениях названных авторов только изображение ими недостатков, создавая тем самым превратное представление об этих произведениях, где дело отнюдь не ограничивается лишь изображением отрицательных явлений. Как правило, критика не замечала того нового, положительного, что рассказали о людях послевоенной деревни эти очеркисты и рассказчики.

Может быть, отчасти в результате таких односторонних похвал наметился в литературе крен в сторону изображения исключительно отрицательного и темного, что есть в деревенской действительности. Некоторые писатели, стараясь, очевидно,

⁸ М. Жестев. Под одной крышей. Изд. «Советский писатель», Л., 1955, стр. 25.

попасть «в моду», стали подражать В. Овечкину, В. Тендрякову, Г. Троепольскому, не понимая и не видя, что в их произведениях изображение недостатков не самоцель, что у каждого из этих писателей поставлена высокая и благородная задача, что, наконец, большая галерея положительных лиц выведена в их книгах.

Внешнее подражание творчеству В. Овечкина, В. Тендрякова и других писателей, сосредоточивающих свое внимание на изображении недостатков, характерных для сегодняшней колхозной деревни, иногда выражается в том, что берутся сходные сюжетные ситуации и положения, но, не будучи осмысленными с точки зрения жизни, с позиций партийности, подобные «заимствования» приводят лишь к резкому искажению реальных жизненных пропорций, к утере революционной перспективы, к нигилизму и критиканству.

В произведениях лучших наших современных очеркистов и рассказчиков, посвятивших свое творчество изображению колхозной деревни, перспектива общественного развития и соотношения сил показываются верно. Достаточно вспомнить, например, что в известных очерках В. Овечкина создано немало положительных лиц, ведущих борьбу с «борзовщиной» и одерживающих над ней победу: это и Мартынов, и Марья Сергеевна Борзова, и агроном Шорин, и Глотов, и Долгушин, и многие, многие другие.

В широко известных «Лунных ночах» Анатолия Калинина оторвавшимся от жизни Неверову и Молчанову противостоят секретарь райкома Еремин, секретарь обкома Тарасов и многочисленные рядовые труженики села.

Если говорить об очеркистах, ставших известными лишь в самые последние годы, — о Сергее Залыгине, Леониде Иванове, то и у них разоблачение недостатков сочетается с созданием крупных и привлекательных характеров настоящих советских людей. Директор МТС Башлаков в очерке С. Залыгина «В Буяновке» («Весной 1954 года») находится в центре произведения, хотя немало места писатель отводит людям типа Пислегина. То же можно сказать и о Леониде Иванове, создавшем художественно выразительный образ председателя колхоза Соколова.

У М. Жестева в его книге «Под одной крышей» в центре произведения, как известно, стоит образ положительного героя Алексея Темлякова.

Примеры можно было бы умножать и умножать, ибо изображение положительного начала — характернейшая черта лучших наших писателей, пишущих на «колхозные» темы.

В. Тендряков в этом отношении работает в одном русле с названными писателями: начиная с первой своей крупной повести «Среди лесов», где создан образ человека «воропавской» складки, коммуниста Роднева, он постоянно обращается к созданию характеров, в которых воплощены лучшие черты советских людей. Это и секретарь парторганизации Бессонов («Падение Ивана Чупрова»), и Федор Соловейков («Не ко двору»), и Андрей Малютин («Ненастье»), и Княжнин («Под лежач камень»), и, наконец, превосходные образы Игната Гмызина и Саши Комелева («Тугой узел»). Эти образы и сообщают произведениям В. Тендрякова ту мужественную интонацию и внутреннюю оптимистичность, которые неизменно чувствуются даже при изображении им наиболее драматических эпизодов.

Критика, в общем, отнеслась к В. Тендрякову положительно.

Но, к сожалению, ни в одной из статей, посвященных его творчеству, не сделано даже попытки раскрыть своеобразие этого «своеобычного», по словам М. Шолохова, таланта.⁹ Даже авторы наиболее крупных статей — П. Бученков,¹⁰ А. Тамарченко¹¹ — в основном говорят об общественном значении изображенных конфликтов. Возможно, что отсутствие работ, специально посвященных анализу художественной манеры писателя, и привело к тому, что некоторые критики, игнорируя специфику выражения положительного идеала у В. Тендрякова, предъявляли ему такие обвинения, которых он явно не заслуживает. Так, например, В. Лукашевич в статье «Реализм образа» писал о «Падении Ивана Чупрова»: «Мне кажется, что в то время, как В. Овечкин в „Районных буднях“ от первой до последней строчки был и остается писателем-реалистом, глубоко пашущим „целинные и залежные земли“ нашей колхозной литературы, кое-кто из литераторов нарушил основные принципы реализма ради большей сенсационности, бенгальского огня и шума. Так, на мой взгляд, А. Злобин о Рубцове и В. Тендряков о Иване Чупрове должны были писать иначе: с глубоким анализом влияний, действовавших на изменение характеров этих людей в худшую сторону».¹² Речь, как видим,

⁹ Высказывание М. Шолохова о В. Тендрякове приведено в статье В. Гуры «Правда жизни и мастерство художника» («Дон», 1957, № 5, стр. 77).

¹⁰ П. Бученков. Два очерка В. Тендрякова. В кн.: П. Бученков. Наши современники. Литературно-критические статьи. Тула, 1954.

¹¹ А. Тамарченко. Об отношении литературы к правде. «Звезда», 1957, № 3.

¹² В. Лукашевич. Реализм образа. «Литературная газета», 1955, № 126, 22 октября.

идет ни более ни менее, как о нарушении «основных принципов реализма». Критик Р. Недосекин упрекал автора повести «Не ко двору» в «объективистской бесстрастно-фиксаторской позиции».¹³

Авторы этих высказываний неправы, так как они не учитывают своеобразия художественной манеры В. Тендрякова и, в частности, своеобразия выражения в его творчестве положительного идеала. Но когда мы имеем дело с произведениями, где упор сделан на изображении отрицательных жизненных явлений, где именно зло взято в фокус с целью подробного его исследования, очень важно почувствовать и понять авторскую позицию.

И, разумеется, нельзя всерьез требовать от В. Тендрякова той же манеры письма, какая, скажем, свойственна В. Овечкину. В. Тендряков принадлежит к писателям, авторская точка зрения которых в художественном произведении открыто обычно не высказывается, а проявляется главным образом в отборе явлений и самой расстановке действующих лиц, в организации сюжета, в деталях с внутренним, не сразу угадываемым символическим значением.

Такая манера, разумеется, не должна вызывать никаких принципиальных возражений. Одним она, вероятно, может нравиться меньше, другим больше, третьим совсем не нравиться, но и те, и другие, и третьи обязаны проникнуть в авторский замысел, чтобы верно оценить произведение в целом. В. Лукашевич, признавая В. Овечкина реалистом и отказывая в этом звании В. Тендрякову, тем самым демонстрирует свое безразличие к индивидуальной художественной манере.

Но вернемся к самим произведениям писателя.

2. ИНТУИЦИЯ И ПРОГРАММА

Итак, в своих ранних очерках В. Тендряков не достиг больших художественных результатов. Первое его крупное произведение, напечатанное в 1953 году (повесть «Среди лесов»), прошло незамеченным. Даже огромные тиражи альманаха «Год тридцать шестой», где она сначала появилась,¹⁴ а затем «Роман-газеты»¹⁵ не способствовали сколько-нибудь заметному ее ус-

¹³ Р. Недосекин. Глазами стороннего наблюдателя. «Московский комсомолец», 1954, 17 августа.

¹⁴ «Год тридцать шестой». Изд. «Литературная газета», М., 1953.

¹⁵ «Роман-газета», № 10/106, Гослитиздат, 1954.

пеху. В последний сборник своих произведений¹⁶ В. Тендряков ее уже не включил.

В. Овечкин, писатель, которому он творчески, вероятно, немало обязан, отнесся к повести резко отрицательно и на Всесоюзном совещании литераторов, пишущих на колхозные темы (октябрь 1955 г.), не без иронии говорил о ней так: «Вещь с шаблонным сюжетом, написана в смысле беллетристического построения правильно, штатное расписание персонажей заполнено, есть любовь для аромата, борьба передовых и отсталых сил для крепости, есть и некоторая сглаженность характеров и острых углов для обтекаемости. В общем повесть написана под влиянием недоброй памяти „теории бесконфликтности“ и той литературы, что в годы процветания этой „теории“ издавалась и переиздавалась у нас в изобилии. То, что автор грешил против правды жизни, не могло не сказаться и на художественном уровне вещи. Повесть получилась посредственная».¹⁷

Успех пришел именно тогда, когда писатель свои представления о действительности проверил новыми наблюдениями и впечатлениями, когда он стал показывать и говорить то, что было действительно новым для литературы. Тогда-то и начала собственно складываться его самостоятельная, на других непохожая творческая манера, впервые обратившая на себя внимание читателей в очерке «Падение Ивана Чупрова», рассказе «Ненастье» и повести «Не ко двору».

Повесть «Среди лесов» представляется нам достаточно слабой в художественном отношении, чтобы можно было поднимать в связи с ней какие-либо проблемы индивидуального творческого метода писателя, но все же, справедливости ради, следует сказать, что В. Овечкин, будучи в общем правым в своей оценке, подошел к ней все же слишком сурово — подошел к ней с позиций конца 1955 года, когда не только В. Тендряков, но и вся наша литература (в особенности очерковая и новеллистическая) сильно продвинулась вперед в смелом освоении новых тем и когда, естественно, то, что было написано два-три года назад, многим начало представляться устаревшим, сделалось даже как бы примером того, как не следует вообще писать, но что зачастую было на самом деле лишь закономерным подготовительным, хотя и действительно уже пройденным, этапом общего литературного развития.

¹⁶ В. Тендряков. Ухабы. Сборник. Изд. «Молодая гвардия», М., 1957.

¹⁷ Валентин Овечкин. Колхозная жизнь и литература. В сб. «Жизнь колхозной деревни и литература», Изд. «Советский писатель», М., 1956, стр. 37.

Что же касается места этой повести в творчестве самого В. Тендрякова, то ее правильнее было бы рассматривать не как первое слабое начало его писательской деятельности, а как переходный и даже в какой-то степени переломный этап творчества, как произведение, в котором, с одной стороны, есть известные пережитки «бесконфликтности»,¹⁸ а с другой, совершенно отчетливо ощущимо стремление пойти навстречу наиболее острым общественным конфликтам. Словом, она противоречива.

Ее сюжет заключается в том, что в один сильно запущенный колхоз неожиданно приезжает, не закончив курса в институте, новый зоотехник, молодой человек, бывший фронтовик Василий Матвеевич Роднев. Приехал он туда, подобно герою появившейся позже повести М. Жестева «Под одной крышей» Темлякову, с желанием немедленно, тотчас, сегодня же помочь родному колхозу — по этой причине он, опять-таки как Темляков, и не закончил курса в институте. Для нас это совпадение одной из сюжетных ситуаций тендряковской повести с острым и проблемным произведением М. Жестева, появившемся позже, в 1954 году, говорит о многом, и говорит в пользу повести В. Тендрякова. Дело в том, что М. Жестев выражал уже оформившееся в общественном мнении сознание недостатков, обнаруживавшихся в послевоенном колхозном строительстве. Его повесть (с характерным подзаголовком «Очерки из жизни одного отстающего колхоза») при всей своей остроте, однако, полностью находилась в русле творчества большой группы писателей, возглавленных В. Овечкиным.

Повесть В. Тендрякова, писавшаяся в 1952—1953 годах, т. е. еще до сентябрьского Пленума ЦК КПСС, при всех своих недостатках рассказывает об отстающем колхозе, внимание автора сосредоточено в ней как раз на том, что станет столь обычным для многих произведений о деревне в 1954—1956 годах. И фигура Роднева, человека, спешно покинувшего институт ради экстренной помощи колхозу, фигура, так явно предшествующая Темлякову, кажется нам новой в сравнении с «колхозной» литературой, что писалась у нас в первые послевоенные годы.

Как известно, в первые послевоенные годы литература слишком долго (так что это становилось уже шаблоном) показывала возвращение в деревню фронтовика. Вокруг возвращения и строился обыкновенно сюжет. Надо ли говорить, что для своего времени такой сюжет был вполне естественным и закономер-

¹⁸ Недаром В. Тендряков использует в ней некоторые свои прежние очерки (например, очерк «Соседи»).

ным, но уже в «Жатве» (1950) Галины Николаевой почувствовалась некоторая натяжка: после целой серии романов с «возвращающимися» героями-фронтовиками сюжетное начало «Жатвы» едва ли не выглядело анахронизмом. Ее спасало во многом новое содержание, связанное с изображением весьма острых, хотя и не осмысленных с должной глубиной личных и общественных конфликтов. Но так или иначе и в «Жатве» это было по-прежнему возвращение фронтовика, он должен был выручать колхоз из трудностей, связанных главным образом с лишениями военных лет.

Надо сказать, что вообще трудности и противоречия общественного развития, увиденные в тогдашней деревне и Галиной Николаевой, и Елизаром Мальцевым («Горячие ключи», «От всего сердца»), и Григорием Медынским («Марья»), и Юрием Лаптевым («Заря»), и Иваном Рябоклячем («Золототысячник»), и многими другими писателями тех лет, воспринимались ими только как прямое последствие войны. С одной стороны, это понятно, так как основная задача первых трех-четырёх послевоенных лет заключалась, конечно, прежде всего в восстановлении разрушенного хозяйства. Именно от разрухи, нанесенной фашистской агрессией, больше всего страдала страна. Естественно, что общественные противоречия иного характера, противоречия, связанные собственно с диалектикой внутреннего развития самого социалистического хозяйства, на время заслонялись тогда этой главной наиболее очевидной и, конечно же, наиболее безотлагательной проблемой.

Но, с другой стороны, скажем, в 1950 году, когда появился роман «Жатва», а также «Свет над землей» С. Бабаевского, от литературы следовало бы ожидать уже и внимания к тем явлениям жизни, которые свидетельствовали о трудностях, связанных не только с последствиями войны.

Роман С. Бабаевского «Свет над землей» лишь усугубил недостатки «Кавалера Золотой Звезды»: его конфликты приобрели какой-то умозрительный, безжизненный характер. Зато он и не имел той популярности, что выпала на долю его предшественника. Симптоматично, что именно о романе «Свет над землей» — впервые в адрес С. Бабаевского — наряду с раздававшимися по традиции похвалами¹⁹ в связи с присуждением

¹⁹ См., например, статью И. Рябова «Сила правды» (в сборнике «Выдающиеся произведения советской литературы 1950 года», Изд. «Советский писатель», М., 1952, стр. 51—62), лекцию А. Макарова «Романы Семена Бабаевского» (Общество по распространению политических и научных знаний, 1952) и др.

Сталинской премии прозвучали также и довольно трезвые критические замечания.²⁰

В повести же В. Тендрякова «Среди лесов» сделана попытка показать именно новые жизненные конфликты. Характерно, что ее герой приходит в деревню совершенно иначе, нежели туда приходили герои предшествующих произведений, фронтовики, возвращавшиеся после войны в свои родные места (вроде Сергея Тутаринова или Василия Бортникова): он не просто пришел домой, а срочно бросив все свои дела и занятия в институте, не закончив последнего курса, полный беспокойства и тревоги, явился в деревню, как являются к близкому человеку, получив известие о его недомогании. С первых же страниц повести мы понимаем, что колхоз страдает не от последствий военной разрухи, а от каких-то иных недугов.

Поэтому, упрекая В. Тендрякова в недостаточной проясненности и остроте конфликтов, справедливости ради следует все же учитывать и время появления этой повести, и, в особенности, то ценное, что в ней для тех лет было. И не обусловлены ли ее слабости именно тем, что он одним из первых, во многом интуитивно, не отдавая себе полного отчета в объективном смысле своих образов, поднимал темы, которые только через год-полтора сделались распространёнными в литературе? И не в этой ли способности уловить едва оформившиеся потребности времени и состоит главное своеобразие таланта В. Тендрякова?

Но все же в повести «Среди лесов» правдивость в изображении новых сторон жизни достигалась подчас чисто интуитивным путем, что и обусловило, как нам кажется, заметную ее противоречивость: с одной стороны, в ней есть верные картины жизни и тонко подмеченные признаки едва рождающихся конфликтов, а с другой стороны, отсутствует общий верный взгляд на действительность и чувствуется наивная уверенность автора в разрешении новых конфликтов старыми, привычными средствами. Так, подметив в жизни фигуру Роднева, он не удержался, чтобы не возложить на ее личные усилия всех своих надежд. Общее впечатление от повести такое: не будь Роднева, не соверши он свой экстравагантный по тем временам поступок, жизнь в его деревне наверное шла бы прежним порядком. Дело в том, что он с легкостью сокрушает такие силы и преодолевает такие препятствия, всю серьезность которых мы почувст-

²⁰ См. доклад А. Фадеева на собрании членов партийной организации ЦСП от 2 августа 1949 года «За высокое качество художественной литературы и принципиальную критику» («Литературная газета», 1949, № 64, 10 августа).

вовали впоследствии только из партийных документов по вопросам сельского хозяйства.

И опять-таки следует сказать, что эти препятствия и эти силы обрисованы В. Тендряковым довольно точно и реалистично, но, как и образ Роднева, с достаточной глубиной не осмыслены, не поняты.

Что же это за силы и препятствия?

Родневу противопоставлен в повести секретарь райкома Паникратов.

Паникратов отчасти напоминает будущего Мансурова (из «Тугого узла»), в нем есть многие его черты, но, в отличие от Мансурова, который, как известно, к концу произведения не только не «перевоспитался», а, наоборот, сделался лишь более умным и опытным карьеристом, Паникратов быстро и решительно меняется. Но ведь чтобы одержать победу над Паникратовым (в котором ясно видно то, что В. Овечкин назвал «борзовщиной», т. е. вера в непогрешимый авторитет начальника в соединении со слепым служебным рвением), нужно было на самом деле разрушить целый ряд условий, отнюдь не зависевших только от личной воли и упорства его противника.

Взять, скажем, хотя бы систему планирования, отмененную ныне из-за своей устарелости решениями специальных Пленумов ЦК по сельскому хозяйству. Когда-то в 30-е и особенно, может быть, в военные годы эта система с ее регламентацией, предусматривавшей чуть ли не все детали колхозной жизни, безусловно, имела определенный положительный смысл. Она выражала собой насущно необходимое централизованное руководство колхозами, без которого только что родившиеся формы колхозной жизни, не обладавшие достаточной гибкостью и главным опытом, не могли бы существовать; в военные годы она выражала необходимый дух военной дисциплины, вызванный трудным военным положением страны и необходимостью строжайшего контроля. В тех условиях люди, подобные Паникратову, были совершенно на месте, их методы руководства не могли, разумеется, вызывать тогда никакого общественного противодействия. Характерно, что Паникратов, например, был в войну награжден орденом Отечественной Войны за руководство колхозами района и пользовался заслуженным уважением народа. Однако в послевоенное время, особенно когда остались позади трудности восстановления, принятая и оправдывавшая себя доселе система планирования явно изжила себя и превратилась в серьезный тормоз. Личная драма Паникратова состоит как раз в том, что, потеряв чувство жизни, он крепко-

накрепко держался за явно устаревавшие формы руководства, держался по инерции, по привычке. Разоблачая нежизненную позицию Паникратова, В. Тендряков призывает тем самым к глубокому пониманию бурно развивающейся социалистической действительности, пониманию, которое невозможно без чувства личной гражданской ответственности за дела общенародные, без способности критически относиться к собственной деятельности, если со временем она пришла в столкновение с насущными потребностями хозяйства. Недаром Роднев, уловив окостенелость методов Паникратова, говорит ему однажды: «В те годы (в годы войны, — А. П.) нельзя было действовать иначе», но «я считаю — именно эта приверженность „военной“ школе и мешает сейчас райкому правильно работать. Новая пора — новые методы!»²¹

И не очевидно ли, что бороться только лично с Паникратовым, т. е. только в его личных свойствах видеть причину встретившихся затруднений, это скорее означает бороться со следствием, но не с причиной. В повести же конфликт разрешается довольно просто и традиционно: Паникратова понижают по должности, он участвует в большой межколхозной стройке и, зараженный и возбужденный общим энтузиазмом, делается другим человеком.

Таким образом, В. Тендряков в этом своем первом крупном произведении нащупал, угадал некоторые важные проблемы времени, но, судя по всему, всей глубины их не понял, и самым слабым местом оказалась у него именно позитивная часть, его положительная программа.

Но из всего этого следует и другой вывод: В. Тендряков несомненно принадлежит к числу тех художников, которые стремятся к честному, правдивому и реалистически точному воспроизведению жизни. Даже в том случае, если их собственные взгляды оказываются подчас недостаточно верными, все же реализм произведения дает внимательному читателю возможность сделать свои, более глубокие и верные выводы.

3. ПОИСКИ ПРИЧИН

Недостатки повести «Среди лесов», вероятно, очень скоро сделались ясными и самому В. Тендрякову. Немалую роль в этом должны были сыграть решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 год), в которых многое из того, что до этого

²¹ В. Тендряков. Среди лесов. «Год тридцать шестой», Изд. «Литературная газета», М., 1954, стр. 47, 48.

лишь интуитивно угадывалось писателем, получило всестороннее освещение и выражение. Появившийся вскоре очерк «Падение Ивана Чупрова» свидетельствовал о том, что писатель действительно, как говорит В. Овечкин, «пережил и передумал многое». ²² В нем впервые сделана попытка разобраться в некоторых причинах отставания сельского хозяйства.

«Падение Ивана Чупрова» по своему сюжету прямо противоположно повести «Среди лесов». Если в повести В. Тендряков показывал, как колхоз, отсталый и запущенный, поднимается и крепнет, то в «Падении Ивана Чупрова» детально прослеживается, в силу каких причин колхоз, казалось бы, неплохо организованный, сделался отсталым и запущенным. Его, следовательно, интересует на этот раз именно то, на что он не смог дать убедительного ответа в предшествующем произведении.

Было бы глубоко ошибочно думать, что этот поворот в сторону исследования недостатков означал у писателя отказ от какого-либо стремления найти и показать перспективы роста. Трезвое обнаружение причин тех или иных недостатков совершается с единственной целью — сделать их ясными и для всего общества, помочь борьбе с ними. Стоит ли напоминать, что большое воспитательное значение могут иметь не только те книги, в которых положительный герой и положительные примеры находятся в центре действия, но и такие, где внимание автора сосредоточено на исследовании и разоблачении отрицательных жизненных явлений. Все дело в авторской точке зрения, с каких позиций и как создаются отрицательные образы. В. Тендряков глубоко прав, когда утверждает, что «литература, вооруженная оружием критики, этим постоянным оружием партии, сможет дать яркие, жизненные, истинно положительные примеры, достойные подражания». ²³

К «Падению Ивана Чупрова» близко примыкают опубликованные в том же году очерк «Бородавка» ²⁴ и повесть «Не ко двору». ²⁵ Все три произведения с разных сторон исследуют одну, общую для них проблему: о противоречиях в сознании современного советского крестьянина, о живучести старых частнособственнических инстинктов. Речь в них также идет и о тех социальных явлениях, которые, не будучи своевременно раскрыты и изменены, способны гальванизовать эти старые чувства.

²² Сб. «Жизнь колхозной деревни и литература», стр. 37.

²³ Там же, стр. 176.

²⁴ «Литературная газета», 1954, № 16, 6 февраля.

²⁵ «Новый мир», 1954, № 6.

Иван Маркелович Чупров, председатель колхоза в деревне Пожары, — умный, энергичный и инициативный хозяин, немало сделавший для того, чтобы колхоз стал зажиточным и прочным. «В хозяйстве хитрость нужна», — неоднократно говорит он, и оборотливость его в этом отношении впрямь незаурядна. Вместо хлеба он, учитывая будущую выгоду и наперекор даже некоторым близоруким колхозникам, сеет лен, выручив на нем сорок тысяч; эти деньги вместо того, чтобы их, как все ожидали, тотчас раздать на руки, он пустил на строительство свинарника; выручив от свиней доход в сто тысяч, он завел племенной скот, птицу, питомник чернобурых лисиц... и пошел в гору.

И крепкие новые постройки, и чисто одетые люди, и сам Чупров, каким мы его встречаем в самом начале очерка («полушубок карманашку, руки в карманах, ноги широко расставлены») — все говорит о зажиточной жизни, о довольстве и благополучии.

Но тут же, непосредственно, в самих описаниях этой довольной жизни, вкраплены отдельные черточки и детали, которые исподволь дают читателю почувствовать неясную еще для героев очерка надвигающуюся драму.

«— А где Аксинья? Аксинья! — кричит Чупров.

«— Аюшки! — из дверей вышла пожилая женщина.

«— Аксинья, — строго сказал Чупров, — Николай Кузьмич — гость у нас. — И он значительно повел бровями в сторону одиноко стоявшего на тропинке гуся.

«Аксинья понимающе поджала губы...»²⁶

Это — «мелочь», по убеждению Чупрова и даже по убеждению нового неопытного секретаря парторганизации Алексея Быкова. Но зато для прежнего секретаря парторганизации, которого год тому назад перевели из Пожар в другой колхоз, это мелочь тревожная. «Смотри, — говорит он, — как бы не споткнулся...»²⁷

«Падение Ивана Чупрова» и есть рассказ о том, как споткнулся и упал умный и опытный председатель колхоза.

Что же означает этот первый штрих, намечающий будущее падение Чупрова? Почему в его глазах поступок с гусем не был чем-то беззаконным, а казался совершенно нормальным и естественным?

В очерке В. Тендрякова (как и в других его вещах) обычно нет ни кратких, ни развернутых авторских оценок и высказываний.

²⁶ В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова. Очерк. Библиотека «Огонек», № 19, «Правда», М., 1954, стр. 5—6.

²⁷ Там же, стр. 8.

Если бы эту сценку нарисовал В. Овечкин, то он скорее всего нарисовал бы ее как предлог для дальнейшего открытого развития своей публицистической мысли. И мы, вероятно, услышали бы от него целый ряд интересных экономических и теоретических соображений по поводу общественной природы чупровского поступка. Ведь именно так поступает он, например, в очерке «На переднем крае», когда, описав встречу Мартынова с трактористом, выработывающим «гектары ради гектаров», заключает ее столь характерным для своего очеркового метода деловым и публицистическим размышлением: «Конечно, нельзя рассчитывать лишь на совесть. Не с ангелами имеем дело — с людьми. Надо воспитывать механизаторов. Крепко придется с ними поработать. Но надо и систему оплаты труда перестраивать. Как перестраивать? Подумать надо...»²⁸ Для В. Овечкина эпизод, живо очерченная сценка или метко воспроизведенный диалог существует очень часто именно как иллюстрация к проблеме, как толчок для дальнейшего развертывания публицистически обнаженной мысли. Во всяком случае, почти из каждого эпизода В. Овечкин — сам или устами героев — обязательно делает определенный публицистически заостренный вывод — вывод-обобщение, вывод-наказ, вывод-предостережение. К этой манере очень близок, как нам кажется, и Иван Антонов в своих очерках о Мордовии, а также Анатолий Калинин, Петр Воронин, Леонид Иванов, отчасти С. Залыгин и некоторые другие очеркисты.

У В. Тендрякова иная манера. Его очерки очень близко стоят уже к собственно рассказам. Их делает такими пристальное внимание автора к внутренней жизни героев. Общественные — политические и экономические — причины их поведения, вероятно, волнуют его не меньше, чем В. Овечкина или А. Калинина, но он предпочитает обнаруживать их в тех душевных движениях, которые не видны с первого взгляда, и в тех поступках, что кажутся внешне обычными и даже заурядными, не высказывая при этом открыто своей точки зрения и предоставляя читателю прийти к определенным выводам путем самостоятельного размышления и сопереживания.

Так и в очерке «Падение Ивана Чупрова» нет ни слова прямого осуждения, нет авторских публицистических размышлений — сцена с гусем написана так объективно и даже как бы «равнодушно», что менее искушенный читатель не увидит в ней поначалу решительно никакого авторского умысла. Как говорил В. Белинский о Гоголе, «тут все дело в типах, а идеал тут по-

²⁸ Валентин Овечкин. Избранное, стр. 424—425.

нимается... как отношения, в которые автор ставит друг к другу созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением».²⁹

Но этот умысел, конечно, есть. Он становится все яснее и яснее с каждым новым эпизодом, но даже и в первом, маленьком эпизоде с гусем, в сущности, обнаруживается весь характер Чупрова и характер его отношений с колхозниками, не говоря уже о том, что здесь же заключено и зерно будущей драмы.

Перед нами — *хозяин*, вот в чем дело! Его интонации, жесты и обращение таковы, что в полной и бесконтрольной власти его невозможно сомневаться. Так можно поступать только в своем хозяйстве. И самое интересное, что Чупров именно своим его и чувствует — ведь это он добывал всеми правдами и неправдами десятки и сотни колхозных тысяч, он строил гусятник и звероферму, он, вопреки недалёковидности односельчан, настоял на севе льна вместо убыточного хлеба, это он, как никто, умеет достать самый дефицитный строительный материал, это он принимает у себя «князей — нужных колхозу ловкачей, добывающих стекло, шифер и железо... Все он, и все ради колхоза. Так разве не имеет он права взять себе гуся для дорогого гостя?» «Кто пасечника попрекнет, что съел стакан меду? А гусь в нашем хозяйстве даже не стакан, не чайная ложка, капля в море».³⁰ Так рассуждает Чупров.

Валентин Овечкин по поводу одного из своих героев очень метко сказал: «Любить колхозное, как свое, — этому они научились. А дорожить государственным, как колхозным, — этому им надо было еще научиться».³¹

Дело, очевидно, в том, что в самом сознании Чупрова, в его психике осталось еще кое-что от традиционной «мужицкой» ограниченности. Элементы старой крестьянской частнособственнической психики причудливо уживаются в нем с совершенно новым, социалистическим отношением к миру. Он работает не для своего хозяйства, даже дом его не лучше, чем у других колхозников. И, конечно же, новые, колхозные формы жизни он ни за что не променял бы на старую деревню, еще живую, вероятно, в его воспоминаниях, но все же дальше своего колхоза, своего хозяйства он смотреть еще не научился. Его хватка и недюжинный ум замкнуты в кругу исключительно

²⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. X, стр. 294—295.

³⁰ В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова, стр. 8.

³¹ Валентин Овечкин. Повести и рассказы. Изд. «Молодая гвардия», М., 1953, стр. 61.

местных интересов, подобно тому, как сознание прежнего мужика целиком определялось нуждами собственного двора.

Отсюда и эта невинная на вид «патриархальность» во всем, что касается внутриколхозных дел: нужен для гостя гусь — пожалуйста, на стол. Нужно кого-то обмануть, например, выклянчить, вымолить в райпотребсюзде дефицитный материал, хотя бы он был и не особенно нужен, — это не представляется поступком зазорным, а тем более антигосударственным.

Вот характерный эпизод, прекрасно раскрывающий всю противоречивость его психики:

«Уладив дела, Чупров встретился с Бессоновым.

«— Слыхал? Железо кровельное привезли в сельхозснаб, — сказал он небрежно.

«— Ну, а ты? — У Бессонова даже голос упал.

«Чупров похлопал по карману.

«— Вот оно где.

«— Да? Ну, ладно, езжай один, меня не жди.

«Чупров, улыбаясь, глядел ему вслед. „Удачливее меня вряд ли будешь“. И ему стало весело. Побегает от стола к столу Никита: скотный не крыт, свинарник не крыт, и не совет: скотный у него действительно не крыт, и свинарник, и даже, поди, в конторе правления крыша подтекает... Ему, Чупрову, не так нужно это железо, но запас карман не рвет, шею не трет, полегит — все сгодится. Весной он будет строить водонапорную башню. Потребуется десяток листов, а с ног сбьешься, не найдешь сразу. Неплохо бы и свой дом под железо. Все одно крышу заново перекрывать. Совсем неплохо...»³²

Здесь характерны и эта забота о колхозе, и это наивное по форме, но столь чреватое последствиями смешение колхозных интересов с чисто личными («неплохо бы и свой дом под железо...»).

Подобный тип подмечен не одним В. Тендряковым. Еще в 1948 году в очерке «О людях „без стельки“» Валентин Овечкин нарисовал образ председателя Рогачева, этакого «не дурака насчет купли-продажи», о котором с близорукой похвалой говорили: «Хозяин, копейки колхозной не упустит». «Чувствовалось, — писал В. Овечкин, — что у самих председателей в душе осталось еще что-то от мужика, от крестьянской ограниченности...» «Не для себя — для колхоза, — этим оправдывалось все».³³

Впоследствии этот же тип блестяще нарисует С. Залыгин (очерк «В Буяновке»). Образ Пислегина во многом сходен

³² В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова, стр. 8—9.

³³ Валентин Овечкин. Повести и рассказы, стр. 61.

с Чупровым — по своей внутренней сути. Пислегин тоже работает не для собственного кармана, а для «своей МТС». У него, как и у Чупрова, есть своя гордость: «Умру, — говорит он, — ... спрысят: „Кто строил?“ — „Пислегин строил!“ — За счет ли свиной фермы или еще как — вопрос второстепенный, об этом никто не спросит. А вот мастерская стоит, паровозы можно ремонтировать — это факт! Сосны стоят в степи, веточками покачивают — факт!»³⁴ Формула его работы и жизненного поведения истинно чупровская: «Не дают — изыскиваю... если чего не хватает — денег ли, горючего, — из-под земли, но достану».³⁵

Сходный характер нарисован и в очерковой повести Григория Бакланова «В Снегирях». Денисов — главный герой ее — тоже умный, опытный и инициативный хозяин, но, подобно Чупрову, Рогову и Пислегину, не обладает широким государственным кругозором и «ради колхоза» способен пойти на различные сомнительные комбинации. «Денисов хозяин, — читаем мы в повести. — Напорист, умен, хитер, энергии, воли — на троих. Он свой колхоз на большую высоту поднимет. Но — свой колхоз. Ради этого не постесняется соседу на ногу наступить, переманить нужного человека и за грех не посчитает...»³⁶

Наконец, в самое последнее время этот же тип воспроизвела Галина Николаева в своем новом романе «Битва в пути». Там есть такая сценка: секретарь обкома предлагает председателю богатого колхоза обучить доярок из чужих колхозов, обменявшись с ними опытом. И тут у всех на глазах с председателем происходит странная метаморфоза: только что живо разговаривавший и толково отвечавший на все вопросы, он мгновенно делается сонливым, неразговорчивым и даже туповатым:

«— Не возьму в толк... Обучать, значит кормить тоже... опять же размещать... И что же нам с этого будет? — растерянно и прибедняячусь говорит он.

«— Почет и уважение!

«— За этим не гонимся. На счету-то кругло! Горим-прогораем! — Он развел руками. — Крахмало-паточный завод не знаю как и достраивать! Того гляди, разоримся с этими стройками да агрегатами. Не рад, что затеял! — И снова отупело пожаловался: — Горим... Горим, прогораем...»³⁷

³⁴ С. Залыгин. В наши годы. Рассказы и очерки. Новосибирск, 1956, стр. 180.

³⁵ Там же, стр. 129.

³⁶ Григорий Бакланов. В Снегирях. «Советский писатель», М., 1955, стр. 94.

³⁷ Галина Николаева. Битва в пути. «Октябрь», 1957, № 4, стр. 64.

И это председатель богатейшего в области колхоза, которому расходы по обучению группы «чужих» доярок действительно были каплей в море! Тут уже почти шаг до своеобразного колхозного Плюшкина — настолько ограничены и замкнуты, не просветлены общегосударственной политикой его интересы.

В. Тендряков шаг за шагом прослеживает процесс внутреннего падения и разложения своего героя. Мы видим, с какой закономерностью все глубже и глубже погрязает он в тине различных неблагоприятных комбинаций, как поспешно опутывают его люди нечистые и нечестные и как, наконец, приходит он к жалкому концу — потере авторитета среди колхозников и необходимости дать ответ перед советским законом. В изображении этого печального и поучительного процесса В. Тендряков очень немногословен. Очерк представляет собой по существу ряд эпизодов, каждый из которых означает очередную стелень падения героя. В этих скупо написанных эпизодах нет ничего от автора, но тонко подобранные детали и чрезвычайно тщательно выписанные второстепенные персонажи (вроде «тишайшего» бухгалтера Николая Аксеныча, «князя» Виталия Витальевича, Ефима Трезвого, Николая Степановича Рябчика и др.) хорошо передают авторский замысел. Наиболее тщательно нарисован образ бухгалтера. Этот удобный старичок в старомодных очках и подшитых валенках, готовый безучастно вписать в свои книги любую цифру, названную председателем, всегда тихий и робкий, один из первых почувствовал возможность опутать Чупрова с помощью шантажа. В особой тетрадочке у него оказались записанными все незаконные председательские расходы — и деньги, ушедшие на «князей», и даже килограмм масла, взятый председателем. С помощью шантажа он заставил Чупрова «благодарить» не только «князей», но и себя, бухгалтера, а затем — своего родственника. Так вокруг Чупрова «повылезли поганки».

Когда же началось «падение Чупрова»? Ведь и раньше он «доставал» и «изыскивал». Судя по отдельным деталям, можно понять, что оно началось вскоре после того, как Чупров остался без опытного партийного руководителя. Ведь колхоз поднялся еще при Никите Бессонове, который, как сказано в очерке, всегда поддерживал чупровские начинания: он поддержал его замысел сеять лен вместо хлеба, он же поддержал его проект строительства свинарника... И так «во всем председатель опирался на своего друга, секретаря колхозной партийной организации Никиту Кузьмича Бессонова».³⁸ Однако, как нетрудно за-

³⁸ В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова, стр. 4.

метить, поддержка Бессоновым Чупрова всегда была поддержкой того, что на языке экономистов называется «выявлением внутренних ресурсов». Для того чтобы сжечь согра и посеять на ней вместо хлеба лен, надо было лишь преодолеть отсталые настроения своих же колхозников — там не нужны были ни «князья», ни попойки с ними в ресторанах, ни прочие сомнительные комбинации «на стороне». Чупров мимоходом ласково и чуть снисходительно говорит о Бессонове — «праведник», и из этого можно заключить, что будь по-прежнему Бессонов рядом с Чупровым, то и не произошло бы никакого «падения». О партийной прозорливости бывшего секретаря говорит и то, как быстро и пронизательно увидел он нехорошие изменения, происшедшие в Чупрове:

«— А изменился Иван, — сказал Бессонов. — Как ты думаешь?»

«— Что-то не заметил, — ответил Алексей.

«— Мне-то со стороны — вроде видней. Прибавилось в нем этакое „я решу“ да „я сделаю“. „Колхоз — это я“!

«— Что ж, за пятнадцать лет колхозники к нему привыкли, он — к колхозникам. Трудно отделить колхоз от себя.

«— Вот, вот... Сперва трудно отделить себя от колхоза, потом — свое от колхозного...»³⁹

Словом, судя по всему, именно в твердости партийного руководства, в постоянной политической работе с колхозниками видит В. Тендряков верное средство расширения их гражданского кругозора. Образ секретаря партийной организации занимает, следовательно, в очерке весьма важное место — он во многом дает ответ на проблему, поставленную в произведении.

В. Лукашевич в цитированной уже нами статье «Реализм образа» упрекает В. Тендрякова в том, что он будто бы не показал причин и условий, приведших Чупрова к падению. Основное достоинство очерка и заключается как раз в том, что в нем показаны и причины и условия формирования таких характеров, но показаны своеобразно, по-своему — с помощью реалистического и совершенно объективного изображения характера, его развития, его изменений.

Мир старых привычек, «древних» чувств, частнособственнических инстинктов, — утверждает В. Тендряков, — отнюдь не исчез полностью и окончательно. Да, уничтожена его материальная основа, самая возможность эксплуатации, но как наивно, опрометчиво и политически близоруко было бы полагать, что борьба с этой старой, складывавшейся веками идеологией

³⁹ Там же, стр. 7.

и психикой уже закончена. Судьба Чупрова наглядно свидетельствует о реальной возможности активного наступления старой морали, если какие-то плацдармы новой морали оказались временно незащищенными.

В очерке «Бородавка»⁴⁰ и в повести «Не ко двору»⁴¹ писатель снова обращается к этой проблеме, но теперь подходит к ней с несколько иной стороны.

Если в «Падении Ивана Чупрова» он показал драму советского человека, который неожиданно для себя попал в плен «древних» чувств, но испытывает отвращение к ним и потому отчетливо и резко осознает всю драматическую противоречивость своего положения, то в обоих названных нами вещах он показывает эти «древние» чувства в их собственном, так сказать, доме, потому что если на Чупрове они временно паразитируют, то в семье старика-«хозяина» из «Бородавки» или Ряшкиных из «Не ко двору» они действительно находятся дома, это их прибежище, их оплот.

Очерк «Бородавка», имеющий подзаголовок «Из записной книжки», является, по существу, подготовкой к позднее написанной повести «Не ко двору». В старике-хозяине нетрудно узнать будущего тестя Федора Соловейкова: у него такие же «мутные, с голубинкой глаза, хрящеватый нос, впалые щеки». От лица также веет «каким-то унылым равнодушием». Но главное, конечно, не в портретном сходстве и не в сходстве даже отдельных деталей, а в общей сути обоих образов: это люди с ярко выраженной собственнической психикой, с глухой, тщательно маскируемой неприязнью ко всему советскому, колхозному.⁴²

⁴⁰ «Литературная газета», 1954, № 16, 6 февраля.

⁴¹ «Новый мир», 1954, № 6.

⁴² «Бородавка» интересна еще и тем, что дает некоторое представление о характере писательской работы В. Тендрякова. Эта зарисовка «из записной книжки» показывает нам очень привлекательный, но редко сейчас встречающийся тип писателя-ходока, неумоимого пешего путешественника по деревням и селам, внимательно изучающего первоисточник всякого подлинного художественного творчества — народную жизнь.

«Мы шли с ним пешком в маленький город Никольск, стоящий среди лесов, далеко от железной дороги.

«Был конец августа. Ветер, в течение дня то нагонявший на небе тучи, то разбрасывавший их, заметно успокоился. Но спускавшееся к лесу солнце затянулось тревожной лиловой дымкой. Ночью может ударить дождь.

«Пора было подумать о ночлеге.

«На берегу реки Юг показались темные тесовые крыши. По рассказам встречных, должно быть, деревня Воронино. Приворачиваем к крайнему дому.

«„Ночевать не пустишь ли, хозяйшка?..“»

Словом, это люди совсем иного типа, чем Чупров, который может стать их временной жертвой, но никогда не сможет сделаться единомышленником.

В повести «Не ко двору», на первый взгляд, рассказана чисто семейная история. В ней настолько подробно, с массой таких верных и выразительных деталей воспроизведена вся обстановка затхлого ряшкинского дома, что может возникнуть даже мысль — а не ушел ли писатель от злободневных, жгучих вопросов современности, не изменил ли он своему исследовательскому пафосу, изображая с таким тщанием все многочисленные подробности топкого семейного бытия. Эту мысль у иного критика может укрепить и своеобразие самой писательской манеры В. Тендрякова, так как и здесь он предпочитает писать «объективно» и «равнодушно», словно говоря: вот сцены жизни, которые я постарался воспроизвести с наивозможнейшей точностью, правдивостью и скрупулезностью, задумайтесь же над ними, проникните в их смысл и сделайте вывод сами.

Но почему В. Тендрякову для того, чтобы проникнуть в философию враждебного нам мира, понадобилась именно семейная история? Не мелки ли все эти многочисленные бытовые случаи, происшедшие в доме Ряшкиных? Нет, писатель избрал верный, хотя, вероятно, и не единственно возможный путь — ведь именно в мелких случаях, в домашних происшествиях, словом, у себя дома «древние чувства» живут без маскировки. Лидия Сейфуллина однажды метко сказала: «По поступкам наименее значительным лучше всего узнается характер человека. В крупных делах и событиях люди следят за собой, в мелочах — действуют произвольно».⁴³ На людях Силантия трудно распознать, в редкие выходы из своего «дома-крепости» он вместе с потрепанным полушубком (для «бедности») натягивает на себя и личину советского человека. Ни он, ни его жена не совершают ничего антисоветского или незаконного — уличить их трудно. Но дома они откровенны, откровенны их поступки, слова, поведение. Нужно проникнуть в их мир, пожить жизнью Федора Соловейкова, чтобы полностью распознать их нутро — «кулацкое, вражье!»

Повесть «Не ко двору» упрекали в неясности авторской позиции. Упрекали и в том, что положительный герой повести,

Если вспомнить его первые очерки, в которых автор неизменно появлялся перед читателем то в самолете, то в машине, то на корабле, но очерки при этом не становились тогда ни живее, ни интереснее, то как не приветствовать это, хотя и медленное, пешее, но зато верное, «горьковское» ознакомление с жизнью!

⁴³ Л. Сейфуллина. Из рабочего блокнота, стр. 177.

Федор Соловейков, не ведет, дескать, активной борьбы с ряшкинским миром и этим как бы отражает пассивную позицию и самого автора.

Но здесь тоже важно понять своеобразие авторского замысла. Федор Соловейков — обычный парень, скромный, тихий, работающий и честный. И вот этот-то обычный советский парень, парень, каких много, попав в семью Ряшкиных, пришелся там «не ко двору». Не говорит ли это, что новая мораль сделалась действительно господствующей в нашем обществе, если, несмотря на все «блага» обывательской ряшкинской жизни, «парень, каких много», не только не принимает их, но решительно и бесповоротно, переламывая тихий свой характер, уходит в сторону!

Замысел В. Тендрякова в этой повести и состоял, как нам думается, в том, чтобы столкнуть обычные советские представления о жизни с теми рудиментами старого сознания, которые еще живы, но уж бессильны в своих притязаниях. Ни о какой пассивности авторской позиции не может, следовательно, быть и речи. Какая же пассивность, если писатель образами своих отрицательных героев вызвал у нас ненависть и презрение к живучим остаткам старой морали да показал еще при этом их бессилие перед укоренившейся, ставшей обычной и господствующей, социалистической моралью.

Как и во всех произведениях, в повести «Не ко двору» автор много места отводит изображению большого, широкого мира настоящих советских тружеников. Это дало ему возможность еще сильнее углубить и заострить мысль о том, что ряшкины и впрямь «бородавки» на здоровом теле трудового советского коллектива. Ведь с моралью семьи Ряшкиных борется не один Соловейков, но и его ближайший старший друг — коммунистка «тетка Варвара», поистине заменившая ему мать; почеловечески заботлив к Федору и чужой ему дед Игнат; близкое участие в его судьбе принимают парни из общежития, с которыми раньше жил Федор... Тетка Варвара с ее мудрым житейским опытом быстрее и вернее разобралась в поведении стариков Ряшкиных. «Есть такие, — говорит она Федору, — дальше своего двора и знать не хотят». И советует: «Уж коль взяла тебя за душу стать Степанидина, так отрывай ее от родного пристанища...»⁴⁴ Важное значение в раскрытии положительного идеала имеют и те немалочисленные сцены, которые изображают Федора Соловейкова непосредственно в работе на МТС. В этих сценах Федор предстает перед читателем че-

⁴⁴ В. Тендряков. Не ко двору. Сб. «Ухабы», стр. 300.

ловеком, для которого труд — самое важное в жизни. Работая, он, как говорится в повести, «не чувствовал усталости: хлопотал о горячем, ругался с бригадирами из-за прицепщиков, кричал по телефону о задержке запасных частей, бегал от кузницы до правления...»⁴⁵

Как видим, Федор вовсе не одинок в своей негромкой борьбе против Силантия и Алевтины. И не придает ли ему столько душевных сил как раз то обстоятельство, что он постоянно ощущает себя в атмосфере честного труда и высокой принципиальности?

Писатель показывает также и то, что иногда мешает нам бороться с проявлениями чуждой морали. Мешает этому, например, графариетное, бумажное отношение к человеку. Есть в повести образ секретаря райкома комсомола Нины Глазычевой. Это эпизодический образ, но он важен для В. Тендрякова как своеобразная антитеза к образу умудренной жизнью коммунистки тетки Варвары. Если Варвара, верно понимая «кулацкое» нутро Ряшкиных, советует Федору оторвать от них Стешу, то неопытная, по-молодому прямолинейная Нина Глазычева категорически требует от Соловейкиной «перевоспитать и жену, и отца ее, и мать — всех!»⁴⁶ Причины, которые приводит ей Федор, кажутся ей неосновательными: «Из-за этого-то надо бросать жену с ребенком?» — кричит она, когда Федор говорит: «Семья у них нехорошая... Живут в колхозе, а колхоз не любят».⁴⁷

Федор не может ей толково рассказать, в чем выражается его семейная драма и чем же плохи Силантий и Алевтина. Жизнь складывалась из мелочей. Какие из них достойны того, чтобы рассказать о них сердитому секретарю райкома? Рассказать про Силантия, про незаконно взятую лошадь, про зайчонка, про козу, «пошипавшую огурчики»... но разве все расскажешь? «Где тут самое важное?»⁴⁸

Поступки стариков Ряшкиных, действительно, не подпадают ни под один параграф уголовного кодекса и не нарушают даже устава сельскохозяйственной артели. Случай с козой, забравшейся к Ряшкиным в огород и полатившейся за то своими рогами, случай, который открыл Федору глаза на многое, что таила в себе темная душа старика Силантия, не может служить веским основанием для разрыва, так же как и случай с зайчонком, или с лошадью, или со скворечником.

⁴⁵ Там же, стр. 311.

⁴⁶ Там же, стр. 327.

⁴⁷ Там же, стр. 80.

⁴⁸ Там же.

Писатель призывает к вдумчивости, чуткости и осторожности в подходе к человеку. Ибо трафаретный подход таит в себе и другую серьезную опасность, о которой и не подозревает наивная Нина Глазычева. Ведь характерно, что в критическую минуту, когда Федор «бросил» Стешу, она вместе со стариком не без хитроумия решила использовать в своих интересах ненужный ей доселе и, казалось бы, прочно забытый комсомольский райком. Так, совершенно неожиданно прямолинейное поведение Нины Глазычевой пошло в пользу ряшкинскому дому, тому дому, где Федор Соловейков должен был, по ее требованию, «перевоспитать и жену, и отца ее, и мать — всех!»

Эпизодический образ Нины Глазычевой — это как бы и новая разведка новой для В. Тендрякова темы.

В поисках причин, тормозивших колхозное развитие, он не мог пройти мимо явлений формализма и казенщины. Если в поведении Нины Глазычевой они — в очень большой степени — были не более как результат ее полудетского максимализма и школьной прямолинейности, то у героя рассказа «Ненастье» эти же черты — устойчивая жизненная позиция, связанная не с недостатком опыта, а с утерей чувства действительности, с глухотой по отношению к жизни (символична фамилия героя — Глухарев).

Надо сказать, что сюжет «Ненастья» не нов в литературе. В «Сибирских встречах» Леонида Иванова одна из главок («Графики и природа») имеет почти тот же сюжет, что и «Ненастье» В. Тендрякова.⁴⁹ Сходную ситуацию мы видим и в очерке В. Овечкина «Районные будни». Наконец, в «Лунных ночах» Анатолия Калинина изображен почти такой же случай.

Правда, в «Лунных ночах» все обходится благополучно — неожиданно пошел дождь, и район оказался спасенным от преждевременного, напрасного сева.

Но в «Ненастье» В. Тендрякова эта крайняя ситуация стала основой всего сюжета. В центре рассказа секретарь райкома Глухарев. Основная линия его поведения — слепая и неукоснительная исполнительность. Хотя он и понимает бессмысленность жестких и категоричных требований о продолжении сева — сева в воду, зазря, впустую, он все же настаивает на бессмысленной трате семян, людского труда и энергии. Когда председатель колхоза, пытаясь образумить секретаря доводами здравого смысла, говорит ему, что сеять в воду преступно, тот заявляет: «Ты выступаешь против государственных планов! Государство указывает: сейте яровые, — ты, как в присказке

⁴⁹ Леонид Иванов, Сибирские встречи. «Сибирские огни», 1956, № 4.

про стрижено-брито, твердишь: озимые лучше. Кто нам позволит путать государственные планы? Ты председатель колхоза. Твое дело — выполнять по-готовому...»⁵⁰

Образ Глухарева создан В. Тендряковым, как и образы других его очерков и рассказов, самыми скупыми, но выразительными средствами. Ни слова от автора, но само поведение героя, очерченное резко и безжалостно, свидетельствует о недвусмысленности авторской позиции. Характерен, например, первый же эпизод — встреча Глухарева с колхозниками. Обеспокоенные непогодой, грозившей урожаем, колхозники, собравшиеся в правлении, ждут от Глухарева какого-то разумного и единственно возможного в данных условиях выхода. «При виде секретаря райкома на всех лицах сразу появилось одинаковое выражение, словно каждый вдруг почувствовал как-то повинным себя в свалившемся на их головы несчастье и в то же время был рад, что наконец пришел тот, кто сможет, кто обязан помочь».

«Чутьем человека, много лет распоряжавшегося людьми, Глухарев, — читаем мы дальше, — уловил это настроение вины и надежды. И хотя с минуту назад у него самого было подавленное настроение, он без всякого усилия принял спокойный уверенный вид, громко поздоровался, не торопясь снял плащ, одернул гимнастерку. Он был высок ростом, широк в плечах, его статную фигуру даже не портил чуть выпиравший через ремень живот. И люди сразу приободрились: не так уж страшен черт, выход есть, его сейчас укажет Нил Степанович, он знает, иначе не держался бы он так спокойно.

«Глухарев сел за стол, обвел взглядом собравшихся и усмехнулся:

«— Что ж, братцы, сырость, гляжу, настроение испортила.

«— Все с радостной готовностью приняли шутку.

«— Что и говорить, подмокли малость.

«— Авось не растаем.

«— И откуда такая прорва воды?

«— Старики не помнят...

«— Глухарев дал выговориться.

«— Вот и потолкуем по душам, без всяких там президиумов, без протоколов. Сев-то остановился, товарищи. Срываем план!»⁵¹

В. Тендряков, рисуя затем дальше этого проповедника «выполнять по-готовому», этого «рыцаря тютельки в тютельку»,

⁵⁰ В. Тендряков. Ненастье. Сб. «Ухабы», стр. 423.

⁵¹ Там же, стр. 420.

делает также попытку раскрыть истоки его характера, процесс его предшествующего формирования. Мы узнаем, что некогда был Глухарев живым, «с огоньком» комсомольцем, носился в отряде «легкой кавалерии», был активным участником коллективизации. . . «А теперь! Какой уж тут огонек в нем, — просто — исполнение обязанностей. . .»⁵² Мы опять-таки не получаем из очерка исчерпывающих сведений о том, почему Глухарев стал таким, но отдельные детали дают нам все же необходимое представление о том, как сформировался его сегодняшний облик. Бездумная исполнительность сделалась альфой и омегой всего его жизненного поведения. Вот он видит, например, что шофер его машины не может проехать по раскисшей ухабистой дороге, понимает это, но не скрывает своего недовольства: «Раз сказано: довези! — в лепешку расшибись, а исполни — твоя обязанность!» Так же и в случае с севом: он понимает, что «сеять в такую погоду рискованно, урожая не будет. . . Малютин предлагает — свяжись с областью, выпроси право не сеять, крест-накрест перечеркни спущенный план. . . Святая простота!»⁵³ Он боится брать на себя ответственность и действует по несложной, но проверенной, как ему кажется, формуле: «Сверху виднее». Он полагает, что стоит ему только прислушаться к колхозникам и отложить сев, в области обязательно скажут: «На стихию вино сваливаете, а вы пробовали бороться за урожай? Сложна руки сидели!» Он совершенно уверен, что держится на своем месте лишь постольку, поскольку «выполняет по-готовому», и поэтому боится отступить от буквы инструкции.

Нет сомнения, что В. Тендряков верно схватил и передал характерные черты определенной категории людей-чиновников, тех, что в условиях устаревшей системы планирования вместо того, чтобы разумно, в меру своих сил исправлять ее, лишь дискредитировали самую суть нашей партийной хозяйственной политики, направленной на благо народа.

Но, показывает В. Тендряков, время берет свое, прежняя система планирования отживает свой век. Недаром в конце рассказа Глухарев ощущает беспокойство, начинает осознавать неизбежность краха своей «исполнительской», чиновничьей философии, задумывается над чуждостью своей деятельности интересам народа и партии. «Может, не дожидаясь, пока снимут, самому отказать?» — тоскливо думает он. И эта концовка еще раз подчеркивает наступление перемен, которые, по мысли писателя, происходят в жизни.

⁵² Там же, стр. 446.

⁵³ Там же, стр. 75.

И опять-таки — это очень характерно для В. Тендрякова — он ясно дает почувствовать, что Глухарев есть тоже своего рода «бородавка», т. е. человек, сделавшийся чуждым в том большом коллективе советских людей, которыми он пытается руководить. Как и в прежних произведениях, писатель показывает, что недалекому, отставшему от жизни Глухареву противостоят многочисленные советские люди, настоящие коммунисты. Недаром рассказ о человеке, утратившем свой былой «комсомольский огонек», начинается с ясно звучащего мотива революционных большевистских традиций: «На опушке хилого леска — тощего ельничка да соснячка вперемежку с ольховыми кустами, — там, где каждую осень сочными красными ягодами покрываются брусничные кочки, стоит посреди круглого дернового холмика невысокий столб, потемневший от непогоды».⁵⁴ Это могила Игната Малютина, чьим именем назван сейчас колхоз, где происходят события рассказа. Он был убит кулаками в годы коллективизации. Нынешний председатель колхоза Андрей Малютин — его сын. Он-то и ведет вместе с колхозниками борьбу с Глухаревым, он-то и говорит на колхозном собрании свои мудрые слова: «Нам надо план для жизни, а жизнь наша — хороший урожай. . .»⁵⁵ Его поддерживает председатель колхоза «Искра» Четвертнов и отец Игната Малютина — старик Тит Малютин. Образ Андрея Малютина отчасти напоминает Игната Гмызина из повести «Тугой узел», человека, как бы олицетворяющего непоколебимую партийную совесть.

«Ненастье» — это, таким образом, рассказ о силе, прочности, незыблемости основных партийных принципов и жизнеутверждающих революционных традиций.

Но еще более отчетливо высказывается эта мысль в рассказе «Под лежач камень». Его герой, молодой инструктор райкома Сергей Княжнин, очень похож на Глухарева, каким тот был в молодости, — это человек «с огоньком», живой и инициативный. С радостной молодой готовностью, не без юношеской самоуверенности, отправляется он в один из самых отстающих колхозов с твердым убеждением, что «нет плохой земли, есть плохие хозяева». Однако жизнь вскоре внесла поправки в столь книжное о ней представление. Колхоз оказывается беден не потому, что люди не умеют работать или не знают агротехники. Им нередко мешают препоны иного характера. Так, например, за тем колхозом, куда приехал Княжнин, числится немалое количество гектаров хороших луговых покосов, на это количество

⁵⁴ Там же, стр. 414.

⁵⁵ Там же, стр. 422.

спускается определенный план сенокосения и соответственно план по развитию животноводства. Дело же, однако, в том, что луга в большей своей части давно заросли кустарником, сена дают мало, план же остается прежним. Казалось бы, чего проще — надо изменить план, надо вырубить кустарники. И вот обнаруживается, что решить эту простую, казалось бы, проблему не так-то просто. Во-первых, изменять план, хотя бы временно, пока вырубят кустарники, никто не смеет, и, во-вторых, рубка кустарников тоже оказывается делом не простым, так как нужны стальные тросы, которые хотя и имеются в избытке в одной из районных организаций, но не принадлежат, однако, сельскому ведомству. Начинается волокита, окончившаяся безрезультатно. Вернувшись в колхоз, где его уже все полюбили и где ждут от него человеческого участия и помощи, он, как Глухарев из «Ненастья», в ответ на расспросы и доверчивые жалобы, презируя самого себя, но не умея поступить иначе, угрожающе кричит: «Что за рассуждения?! Бойтесь переработать?.. Пустопорожними разговорами председатель развлекается! С нас требуют выполнения плана! Не на будущий год, не через три года!.. Сейчас!»⁵⁶

«Безобразное чудо», случившееся с умным и чутким Княжниным, когда он закричал на колхозников, — кульминационный момент рассказа. После долгих и мучительных размышлений, а особенно после колхозного собрания, на котором провалили его кандидатуру в председатели, Княжнин решительно стряхивает с себя наваждение — рассказ кончается тем, как, вновь придя после своего позорного провала к секретарю райкома, он говорит ему слова, полные уверенности и силы: «Надо воевать! Под лежач камень вода не течет!..»⁵⁷

Итак, заключает писатель, основные начала советской жизни непобедимы.

4. «БОРЬБА КАК ПРОЦЕСС»

Повесть «Тугой узел» (первоначальное название «Саша отправляется в путь») словно в фокусе сконцентрировала в себе все богатство жизненных наблюдений писателя над современностью. Подобно тому, как в судьбе Ивана Чупрова он раскрыл в свое время некоторые типичные стороны экономического положения деревни; подобно тому, как в повести о семейной драме Федора Соловейкова он показал живучесть старой, враждебной

⁵⁶ В. Тендряков. Под лежач камень. Сб. «Рассказы 1954 года», Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 644.

⁵⁷ Там же, стр. 649—650.

нам морали и призвал к борьбе с нею; подобно тому, как верно он обрисовал несостоятельность канцелярско-бюрократических методов руководства сельским хозяйством, так и в повести «Тугой узел», верный своему принципу раскрывать характеры в их тесной связи с определенными жизненными явлениями, он рисует нам тип современного карьериста, бюрократа сегодняшней складки и детально, с добросовестностью естествоиспытателя обнажает перед нами всю историю формирования этой мерзкой и преступной человеческой особи.

Но прежде чем перейти к Мансурову, главному художественному открытию В. Тендрякова в «Тугом узле», скажем несколько слов о его предшественнике, Комелеве.

Кто такой Комелев? И — главное — каково место этого образа в идейно-художественной концепции всего произведения?

Прежде всего — он не просто предшественник Мансурова по должности: его смерть знаменательно совпала с периодом усилившейся борьбы партии за подъем народного хозяйства. Эта смерть, происшедшая между двумя заседаниями, в кругу бумажных дел и канцелярского воодушевления, не лишена известного символического оттенка.

Комелев принадлежал к тому типу людей, которые при полной субъективной честности и даже самоотверженности и при полной, конечно, уверенности в несомненной пользе своего существования были не более чем канцеляристами. Мансуров не без основания называет работу своего предшественника «бессмысленной» и больше всего боится поначалу сделаться его преемником в этом мертвящем бумажном колесе.

«У Комелева во всех его командировках, заседаниях, беспокойствах была какая-то бессмысленность, — говорит он. — Ломил, тянул воз через силу, сгорел на работе, а для чего?.. Неужели у меня впереди такая же бессмысленная жизнь? Вот что пугает!»⁵⁸

А субъективно Комелев был неплохой человек. Саша, его сын, со слезами умиления вспоминает, как мечтал отец о «красивой жизни на красивой земле», как трудно и самоотверженно он работал, как любил он людей и ради них «не берег себя на работе, не следил за своим здоровьем, отмахивался от врачей...»⁵⁹

Да, это — факты. Но есть и другие:

⁵⁸ В. Тендряков. Тугой узел. «Роман-газета», Гослитиздат, М., 1956, № 9 (129), стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 2.

«Комелев любил народ, а в районе не много крепких колхозов. В МТС не могут обучить специалистов. Поломаные тракторы по полгода простаивают около полей...»⁶⁰

Саше, с его юношеским романтизмом и жизненной неопытностью видна пока лишь одна сторона духовного облика отца — его слова о «красивой жизни» и «красивой земле», его мечты, его постоянная погруженность в работу.

Но Игнату Гмызину, человеку, умудренному большим жизненным опытом, зато видна и другая сторона комелевского характера, которая потом открылась и для Саши.

«Человеческие качества? — говорит он. — Да в них ли дело? Комелев, слава тебе господи, имел эти качества, не пожалуешься. Честный, прямой... за то, чтоб хорошее людям сделать, на все готов, хоть с любого обрыва в воду... Плохо, если руководитель не имеет этих человеческих качеств, но этого, брат, мало...»

«Хороший руководитель на две стороны слышит. Плохой туг на одно ухо: что сверху прикажут — на лету схватит, что снизу посоветуют — не доходит. Вот оно, качество-то... Тем и плох Комелев, что, как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал, а не доверял. Часто случается — кого любят, тому не доверяют...»⁶¹

Слова и побуждения у Комелева неплохие, но вот способности понять и поднять народную инициативу у него нет. Он такой же «человек-инстанция», как и Паникратов из повести «Среди лесов», или Неверов из очерков А. Калинина, или Бурмистров из мордовских очерков И. Антонова.

А в конце концов это все та же «борзовщина» — ее разновидность, ее вариация.

Комелев умер очень вовремя для себя. Его сущность становилась, надо думать, уже ясной для тех людей, которых он так сильно «любил». Во всяком случае Игнат Гмызин произносит свои трезвые о нем слова сразу после его похорон. Так же думает и Мансуров, говорящий о «еще» не выдохнувшихся комелевских «порядочках», Федосий Мургин и др. Значит, уже при жизни его стали обнаруживаться и все более давать знать о себе новые общественные тенденции. Смерть лишь сделала очевидным бесславный итог этой жизни, бессмысленность и беспечность этого беличьего движения в канцелярском колесе.

По началу повести можно было ожидать, что сюжет развернется, следовательно, таким образом: старый секретарь райкома умер, отошли вместе с ним в прошлое и недостатки недав-

⁶⁰ Там же, стр. 3.

⁶¹ Там же, стр. 10.

него времени. Однако В. Тендряков пошел по иному пути: его интересовали те жизненные явления, которые свидетельствуют о живучести некоторых устаревших методов руководства. Повесть чужда самоуспокоенности. Как и в прежних своих произведениях, В. Тендряков призывает к бдительности, учит свое временно разбираться в сложных и противоречивых процессах, происходящих в сегодняшней общественной жизни.

Итак, Комелев умер. Но, показывает писатель, новое время также не свободно от своих противоречий. Люди чуждой нам морали, используя его достижения и тенденции, могут и тут сильно торжествовать общественное движение, прикрываясь дымовой демагогической завесой.

Мансуров — это человек, всплывший как раз на волне последнего времени. Его знаменитая «папка», в которой он так тщательно собрал сведения о многочисленных недостатках своего района, с чьей помощью сделал он свою блестящую карьеру, потому и нашла, между прочим, ход и движение, а не осталась лежать на полках райкомовского кабинета, что само время благоприятствовало отныне этому чисто «антикомелевскому» энтузиазму нового секретаря.⁶²

И, надо сказать, что поначалу, когда Мансуров начал это свое столь нужное для людей района дело, когда он начал, например, борьбу за лен, его энтузиазм, хотя и не был лишен оттенка тщеславия, был все же совершенно чужд того оголтелого карьеризма, какой появился у него значительно позже — уже в пору его полного успеха.

Когда он разговаривает тотчас после похорон Комелева с Игнатом Гмызиным, он высказывает мысли, с которыми невозможно не согласиться и которые родились не только у него, конечно, но и у других людей, в том числе и у такого верного и последовательного партийца, как Гмызин. В самом деле, ведь не только он, но и другие чувствовали, насколько устарела прежняя система планирования, сделавшаяся в новых условиях

⁶² Вспомним сходную ситуацию в очерке «Лунные ночи» Анатолия Калинина: тоже новый, как и Мансуров, секретарь райкома Еремин составляет обширную докладную записку в обком партии о недостатках в планировании районного сельского хозяйства. Его папка, которую он не без основания называл уже «злополучной», долго и, казалось, безнадежно лежала «сначала в обкоме, а потом в областном управлении сельского хозяйства», но затем в силу тех же причин, что и в повести Тендрякова, получила быстрое движение: «Прочитали мы ее и в обкоме и в облисполкоме, — говорит Еремину новый секретарь обкома. — И должен сказать, что хотя вы, товарищ Еремин, писали только о своем районе, это немало подскажет нам и для всей области» (Анатолий Калинин. Неумирающие корни. Рассказы. Изд. «Молодая гвардия», М., 1955, стр. 105).

серьезным тормозом общественного развития. Мы уже приводили высказывание на этот счет Игната Гмызина. Нетрудно заметить, что между его словами и словами Мансурова — полное совпадение. Потому-то Игнат с таким сочувствием и полным пониманием, хотя и не без шпильки в адрес мансуровского честолюбия, и слушает его резкие, полные горечи слова: «Я силы чувствую, расти хочется, а вот застыл, как гриб, прихваченный заморозками».⁶³

Мансуров получил возможность роста именно потому, что то недовольство, которое он так резко высказал в беседе с Игнатом, получило вскоре общественное выражение и поддержку. Вот почему Мансуров, каким мы его видим в начале повести, является в глазах многих ходатаем народных интересов: в его папке заключены ведь не только (и даже не столько) его собственные наблюдения над промахами планирования и руководства, но и многочисленные пожелания, советы, замечания многих — и самых разнообразных — людей. «Тут и Чистотелов положил мзду, — размышляет он однажды, — и покойный Комелев, и Сутолоков, и директор МТС... Я всего-навсего кладовщик — принимал и сортировал...»⁶⁴ И это не лицемерие, не напускная скромность. Он действительно так чувствует, потому что наконец-то, впервые увидел в своей деятельности «толк», конкретную пользу.

В эту пору он, как видно из повести, не только не противопоставляет себя народу и партии, а наоборот, вместе с ними, в единении с ними находит свое счастье. Что же касается честолюбия, то и этого тогда еще нельзя было поставить ему в вину — ведь здоровое честолюбие, вырастающее из желания быть в глазах своего народа лучшим, не есть еще карьеризм.

Когда же и почему началось падение Мансурова? Став во главе района и искренне желая принести пользу людям, Мансуров наткнулся на далеко не изжитые еще «комелевские» порядки, на различные препоны и рогатки бюрократического свойства. Его папка, поначалу имевшая видимый успех и вынесшая его на поверхность общественной жизни, мало-помалу стала встречать противодействие. Чтобы претворить в жизнь свои полезные начинания, Мансурову нужно было, не оглядываясь на возможность временного поражения, бороться, т. е. энергично, настойчиво, самоотверженно отстаивать свою точку зрения и главное — быть уверенным в широкой поддержке тех людей, которые вложили так много ума и жизненного

⁶³ В. Гендряков. Тугой узел, стр. 4.

⁶⁴ Там же, стр. 20.

опыта в его папку и ходатаем которых он так радостно себя ощущал.

Но с ним произошло то же, что и с Комелевым, что и с Глухаревым и что чуть было не произошло, как мы помним, с Княжнинным (из рассказа «Под лежач камень») — он не поверил в силу народной и партийной поддержки и возможность преодолеть встретившиеся ему препятствия с помощью этой силы. Будучи человеком небольшой культуры и ограниченного кругозора, он не смог перестроиться в новых, непривычных для него условиях, хотя поначалу и выступил против «комелевских» порядков. А усилившаяся от первых удач жажда личного успеха, вместе с сознанием постоянной опасности быть снова низвергнутым в ряды «простых смертных» (в случае крупных — и, как оказалось, неизбежных — ссор с начальством), привела его к тому, что ради удержания себя на столь желанной и неожиданной высоте он ухватился за испытанное средство — за те же «комелевские» порядки, против которых он так эффектно начал свою борьбу, которую так опасно оказалось продолжать. Недаром однажды он прямо надеется на то, что «еще покойный Комелев крепко-накрепко привил привычку — есть указание сверху, значит надо подчиняться».⁶⁵

Первое пробное, так сказать, испытание Мансурова, которого он не выдержал, это прием в район пятисот голов породистого скота. Район — по твердому убеждению и подсчетам Мансурова — не мог выдержать такого количества, не позволяли местные условия. С этими мыслями он подходил и к трибуне, но в последнюю минуту, когда тишина огромного переполненного зала, как казалось ему, ждала от него необычного, эффектного поступка, — в эту последнюю минуту Мансуров почувствовал, что «вызвать разочарование — невозможно». «Резко, как от удара, он распрямился, вскинул голову, облитый светом театральных рефлекторов, юношески подобранный, смуглое, широкоскулое лицо как бы вспыхнуло решительностью, голос стал звучным, упругим, властным», он назвал цифру — пятьсот голов, и зал «доброжелательно прошумел аплодисментами».⁶⁶

И именно с этого момента началось охлаждение его к Игнату Гмызину, понявшему мотивы его поступка, охлаждение, которое потом перешло в ненависть.

И как выразителен, кстати сказать, весь тот тонко воспроизведенный антураж, который окружает Павла во время его

⁶⁵ Там же, стр. 38.

⁶⁶ Там же.

безрассудного выступления! Он выступает с театральных подмостков, ослепленный ярким светом театральных рефлекторов, — в эту минуту, мы понимаем, он уже актер.⁶⁷ Его подъем явился на самом деле его падением. В этом отношении характерен случай, когда он, уже связанный прежним своим поступком, а также страхом разоблачения за самоубийство Мургина, покончившего с собой из-за падежа скота, взялся и за строительство кормоцехов. Единственное, на что хватило сил у Павла, это «без особого восторга» сказать: «Кормоцеха... Да-а, вещь завидная... только дорогая, нашим колхозам, пожалуй, не по карману».⁶⁸ Но на категорическое возражение у него не хватает духу, хотя он в то же время совершенно ясно понимает невозможность строительства кормоцехов в бедных колхозах. «У многих колхозов развалились скотные дворы, — думает он, возвращаясь от секретаря обкома, — зимой будет мерзнуть племенной скот. Куда там кормоцеха! Не по Сеньке шапка. А Курганову не возразишь... Сразу поставит вопрос ребром: „Сил мало?.. Почему тогда хатнули столько скота, почему не рассчитали свои силы?..“ — Что ответить?

«Тут еще Игнат... Он, если заговорил, будет теперь настаивать — признайся, что перегнул. Попробуй-ка признаться — грянет гром из обкома, пыль пойдет от секретаря Мансурова. Скот, бескормицу, даже смерть Мургина припомнят. Тугой узел завязывается, как распутать его?»⁶⁹

Теперь спрашивается, какова же здесь авторская позиция самого В. Тендрякова? Не ясно ли, что разоблачая «мансуровщину», писатель помогает тем самым партии в преодолении элементов формализма в области руководства народным хозяйством? Пафос писателя заключается в призыве к воспитанию в людях чувства личной гражданской ответственности за общенародное общественное дело, в призыве к мужеству и подлинной партийности во всех своих поступках. Вина Мансурова состоит в том главным образом, что, имея недюжинные организаторские способности, он не воспитал в себе этого гражданского чувства глубочайшей ответственности за общенародное дело — бедность культуры, ограниченность кругозора и разыгравшееся честолю-

⁶⁷ Впоследствии эта деталь, указывающая на актерскую неискренность Павла, появится еще в самом конце повести, но уже в совсем иной роли: Мансуров, ожидая разоблачения, стоит в том же театре (перед началом заседания) среди старых декораций, пахнущих олифой и пылью, у косо стоящей фанерной колонны и выбирается на сцену жалкий, обмякший, «бочком, болезненно приподняв одно плечо».

⁶⁸ В. Тендряков. Тугой узел, стр. 65.

⁶⁹ Там же.

бие помешали ему быть мужественным и преданным народному делу до конца, несмотря на возможный риск и даже временное поражение. Здесь снова вспоминается Еремин, герой «Лунных ночей» Анатолия Калинина: он ведь тоже, как мы говорили, начал с «папки», в которую добросовестно занес богатый опыт людей своего района. Его «папку» тоже, в конце концов, признали, как и папку Мансурова. Но дальнейшая их судьба резко различна. Анатолий Калинин, не сглаживая острых перипетий последующей борьбы Еремина, показывает, как много может сделать настоящий гражданин, принципиальный коммунист, если он останется верным своему великому долгу. В. Тендряков, показывая нам возможность другой судьбы, говорит о том, к чему может привести беспринципность, приспособленчество, измена партийному долгу, и призывает к тому же, что и Анатолий Калинин, — к гражданской ответственности и принципиальности.

Как и во всех произведениях В. Тендрякова, так и в «Тугом узле» большое место занимают у него образы положительных героев. Мы уже упоминали такую яркую фигуру, как Игнат Гмызин, старый, опытный председатель колхоза, настоящий партиец. Духовно близок к нему и погибший по вине Мансурова Феодосий Мургин. Не анализируя всех многочисленных положительных героев повести, остановимся лишь на некоторых из них.

Безусловно, наиболее значительным является образ Игната Гмызина. Духовно он очень близок Родневу («Среди лесов») и в особенности Андрею Малютину («Ненастье»). У него, как и у Малютина, огромный опыт руководства колхозом, он прекрасно разбирается в людях — главное, с настоящей партийной принципиальностью относится к жизни. Он был первым, кто безоговорочно осудил Мансурова сразу же после его легкомысленного выступления на конференции по животноводству. В сущности, с этого момента и началось резкое расхождение между Игнатом и Мансуровым. С той же принципиальностью он выступил и против второго поступка Павла, прямо сказав ему, что строить кормоцеха в запущенных колхозах он решил из чисто карьеристских соображений.

Гмызин — наиболее привлекательный образ всей повести. Он свидетельствует о том, что истинного коммуниста, истинного партийца-ленинца не могут сбить с толку ни временное возвышение карьериста Мансурова, ни необходимость рискованной борьбы с его окружением и покровителями.

Характерно, что Гмызин появляется на страницах повести именно в те моменты, когда Мансуров совершает свой очеред-

ной неблагоприятный поступок, — он появляется как олицетворение партийной совести, как неподкупный судья его поступков.

Дух своей боевой партийности Игнат передает Саше Колеву — своему духовному сыну. Первоначально повесть называлась «Саша отправляется в путь», что подчеркивало значение этого образа, но затем писатель изменил название. Однако ни смысл судьбы Саши, ни место его в повести не изменились — он представитель того нового, молодого поколения, которое принимает из рук старого поколения, как эстафету, ленинские партийные заветы. Весьма знаменательно, что именно от Саши исходят слова окончательного осуждения и разоблачения «мансуровщины», когда он выступает на открытом партийном собрании в конце повести. И то, что Саша, разоблачая Мансурова, высказывает мысли своего старшего товарища Игната Гмызина, правдиво не только с психологической точки зрения, но и с точки зрения более высокой: его выступление знаменует живость и действенность партийных традиций, ставших традициями и самого юного коммунистического поколения страны.

Важное место в идейной концепции произведения занимают также образы Феодосия Мургина и Кати. Судьбы этих двух героев, пожалуй, наиболее тесно связаны с образом Мансурова. Трагическая судьба Феодосия Мургина резко и беспощадно обличает антипартийную «государственную» деятельность Мансурова. А крушение иллюзий юной Кати прекрасно комментирует облик Мансурова с другой стороны — падение его как «частного» человека. Эти две драматические человеческие судьбы, сопровождающие Мансурова на протяжении всей повести, превосходно выполняют роль, предназначенную им автором: углубляют наше представление о характере отрицательного явления.

Но было бы неверно думать, что Феодосий Мургин и Катя, при всей симпатии к ним автора и сочувствии к их судьбам, лишь оттеняют образ Мансурова или победно демонстрируют свои положительные свойства. У В. Тендрякова обычно нет образов, которые можно было бы легко и просто расклассифицировать по рубрикам «добра» и «зла». Мы видели, например, что даже Чупров, показанный в столь недвусмысленно-резком свете, заключает в себе многие человеческие качества, за которые его можно уважать и можно ему сочувствовать. Так и здесь: да, Феодосий Мургин — прекрасный человек, всю жизнь свою отдавший колхозу, нашедший свое большое человеческое счастье в колхозе и преданный ему до конца своих дней. Недаром в последней своей беседе с Мансуровым он, вспоминая жизнь, говорит раздумчиво: «За последние дни вот оглянулся:

я назад... и увидел — глупая у меня была жизнь, длинная и глупая. Одно интересное в ней — колхоз... Из шестидесяти пяти лет — эти двадцать... Так вот, окромя колхоза, у меня ничего. Оставить мне колхоз, не пугая скажу, — смерть. Куда я?»⁷⁰ Однако, рисуя его судьбу, писатель ставит еще одну важную проблему и решает ее не в пользу Феодосия Мургина. Вспомните сцену первого падежа в его колхозе и первый разговор по этому поводу с Мансуровым. Мансуров беспощадно распекает и так удрученного несчастьем старика, грозит ему снятием с работы и исключением из партии. Феодосий Мургин все это сносит с покорностью. Почему, разве он виноват? Ведь это Мансуров взял пятьсот голов скота, чтобы блеснуть в глазах начальства своей энергией и оптимизмом.

Да, виноват! — отвечает писатель всей логикой развития этого образа. Он виноват в том, что растерял свой гражданский темперамент, которого не могло у него не быть, если вспомнить, в какие годы стал он председателем колхоза; он виноват в том, что он не протестовал и не боролся против «комелевщины» и «мансуровщины» и, в частности, тогда, когда Мансуров брал эти злосчастные пятьсот голов скота, не поднял руки, чтобы своевременно остановить столь очевидную авантюру.

При всем авторском — и читательском — сочувствии к Феодосию Мургину нельзя пройти мимо этой стороны дела. Нигде не осуждая Мургина открыто, «от автора», писатель вместе с тем резко осуждает его за общественную дряблость, за утерю чувства личной гражданской ответственности в делах общенародных.

Как видим, с виду «безусловно положительный» герой этот на самом деле сложен — «положительное» и «отрицательное» в его психике и поведении не существует, как в некоторых плохих романах, для «равновесия», отдельно, а, как это бывает в жизни, тесно связаны друг с другом.

Так же сложен и образ Кати. Кто такая Катя? Это девушка, житейски совершенно неопытная, с теми школьно-прямолинейными взглядами на жизнь, которые часто бывают свойственны юности. Книжный догматизм и восторженная экзальтированность, поиски авторитета и слепая вера в выдуманные авторитеты — все эти черты ее характера вполне могли превратить ее впоследствии и в «портфельщицу» Лежневу («Среди лесов») и в Нину Глазычеву («Не ко двору»).

⁷⁰ Там же, стр. 58.

Ей даже не приходит в голову, в отличие от Саши, что вера в партию не означает отказа от самостоятельного, а если надо, и критического отношения к отдельным членам партии. Катя видит в Мансурове все совершенства той организации, к которой он не имеет, в сущности, никакого отношения. Для нее Мансуров непогрешим, раз он член партии и к тому же секретарь райкома. Но Катя пережила драму прозрения — она не превратилась ни в Лежневу, ни в Глазычеву. Ее девическая любовь к Мансурову, приведшая к краху многие ее наивные представления о жизни, помогла ей избавиться от них, как от кошмарного сна.

Надо ли говорить, что «драмы прозрений», которые переживают положительные герои Тендрякова, также свидетельствуют о глубокой уверенности писателя в неизбежной победе добрых начал, о прочности и незыблемости советской социалистической идеологии, ставшей основой нашей жизни.

«Драмы прозрений» характерны для многих и «положительных», и «отрицательных» героев В. Тендрякова.

Но есть люди, для которых самая возможность прозрений, к несчастью, уже невозможна, так как о трагизме своего положения они даже не догадываются.

Вот, например, Петр Сарафанов, герой небольшого рассказа «Рыцарь тютельки в тютельку», написанного одновременно с повестью «Тугой узел». Его мышление как бы застыло в привычных нормах механической «исполнительности», которую он, однако, принимает за необходимую дисциплинированность государственного работника. Для него, как и для Глухарева, считавшего, что «главное... создать в человеке чувство дисциплины» (понимаемой, разумеется, им по-своему), важен «не хороший урожай, а выполнение инструкций, не хлеб, а цифра в сводке». ⁷¹ «Тютелька в тютельку для него — бог!» — как говорит о Сарафанове один из героев рассказа. Но в отличие от Глухарева, который, как мы знаем, начинает все-таки задумываться над практическим смыслом своего руководящего «функционального задания», Сарафанов оказывается неспособным подняться даже до этой незначительной высоты самокритики, до которой поднялся Глухарев. Характерно, что, совершая очередную нелепость (вроде тех, что совершает Глухарев в рассказе «Ненастье») и будучи уверенным в своей абсолютной непогрешимости (поскольку он совершает эту нелепость в пол-

⁷¹ В. Тендряков. Рыцарь тютельки в тютельку. «Литературная Москва», литературно-художественный сборник московских писателей, вып. 1, Гослитиздат, М., 1956, стр. 740.

ном соответствии с буквой последней инструкции), Сарафанов прикрывается высоким авторитетом партии и государства. Для него «новая установка» — это лишь средство проверки его «политического чутья». Одним словом, говорить здесь о какой-либо духовной «драме прозрения» невозможно.

Рассказ «Рыцарь тютельки в тютельку» — маленькое, на двух страницах произведение, в сущности, это даже не рассказ, а эскиз, беглый набросок в записной книжке.

Но из этого эскиза вырос образ Княжева, героя рассказа «Ухабы». Сюжет его очень прост: произошла автомобильная катастрофа, погиб человек, его можно было бы и спасти, если бы директор МТС, к которому обратились за помощью, рискнул дать трактор, чтобы перевезти раненого к врачу, но он этого трактора не дал. Отказал потому, что убоился «рискнуть» нарушить инструкцию. Ему и в голову не приходит, что его «вышестоящее начальство» может совсем иначе взглянуть на столь оправданное всеми обстоятельствами «нарушение инструкции», справедливо запрещающей использовать тракторы «для транспортных перевозок». Пытаясь оправдаться, он говорит Василию: «Я все сделал, что от меня лично зависело... Если 6 тракторы были мои собственные... Я всего-навсего директор... И как директор должен подчиняться распоряжкам вышестоящих организаций».⁷² Беда Княжева в том, что он потерял чувство гражданственности, для него понятие «государственная деятельность» потеряло свой широкий, благородный, глубоко гуманистический смысл. Оно стало синонимом «службы» в старо-казенном смысле этого слова.

У В. Тендрякова в его рассказе есть и немало героев, противостоящих Княжеву. Нельзя, например, не замечать того обстоятельства, что история с раненым заканчивается обращением шофера Василия к коммунистам МТС, которые и организуют (не в пример Княжеву) необходимую помощь. Если учесть, что все произведение написано в очень сжатой, лаконичной форме, когда каждый эпизод является действительно необходимейшим моментом в развитии авторской мысли, то, на наш взгляд, никак нельзя игнорировать столь важное для понимания авторской позиции обстоятельство.

Наконец, очень интересен образ шофера Василия. Он занимает настолько большое место в произведении, что, в сущности, именно его, а не Княжева и следовало бы, пожалуй, считать главным героем рассказа. Он из тех людей, которые особенно не задумываются над жизнью, живут, «как трава растет»,

⁷² В. Тендряков. Сб. «Ухабы», стр. 477.

ничто большое, высокое ни разу не затронуло его души, не вскрылило ее. «Много пассажиров перевез Василий на своей машине от Густого Бора до станции и обратно. Для чего он их возил? Чтобы вышибить деньгу».⁷³ Жизнь текла размеренно и спокойно, создавая иллюзию полного благополучия и даже довольства собою. Она текла от полочки до полочки, со своими маленькими хитростями, придуманными целым поколением шоферов специально для обхода различных дорожных инспекторов, текла вплоть до того момента, когда произошла катастрофа и когда, сделавшись косвенным виновником гибели пассажира (незаконного пассажира — «леща»), Василий впервые задумался «о чем-то большом, неясном, о таком, которое никак бы не смог рассказать словами... Сейчас хотелось сделать что-то большое, чем-то хорошим удивить людей. Что сделать? Как удивить? Он не знал. Было лишь желание непонятное, незнакомое, тревожащее...»⁷⁴

После катастрофы Василий впервые в жизни понял мелочность и даже бессмысленность всего своего прежнего существования. Тот душевный перелом, о котором он «никак бы не смог рассказать словами», и заключался, по-видимому, в том, что вместо привычного, спокойного и безответственного «так и должно быть» почувствовал он «непонятное, незнакомое, тревожащее», совершенно новое, небывалое чувство, которое, если бы мог он его сформулировать словами, звучало бы, наверно, не без оттенка гражданской обеспокоенности: «так не должно быть!» Не должно быть так, чтобы человек, трусливо спрятавшийся за бумажку, мог содействовать гибели другого человека, как это сделал Княжев, забывший о своем гражданском долге. Не должно быть так, чтобы человек, нарушивший некий пункт некоей инструкции ради высшего закона человеческой взаимопомощи, боялся за свое положение, — где же тогда его достоинство? И, наконец, не должно быть так, чтобы на дороге, непригодной для езды, стояли новенькие столбики, это грустное свидетельство фальши и формальности.

За воспитание высокого чувства гражданской ответственности и борется В. Тендряков в своих произведениях.

Каково же его место в современной литературе или, говоря иными словами, в чем же состоит своеобразие его творчества?

Во-первых, как мы видели, творчество В. Тендрякова — действительно неотъемлемое и очень характерное явление нашей

⁷³ Там же, стр. 492.

⁷⁴ Там же.

литературной действительности последних лет. Его талант целиком обязан своим ростом событиям, связанным с борьбой партии за развитие народного хозяйства, за восстановление и упрочение ленинских норм партийной жизни. Вместе с В. Овечкиным, Г. Троепольским, А. Калинин, Г. Баклановым, С. Залыгиным, М. Жестевым и многими другими он горячо поддержал это направление партийной политики и в своих произведениях сосредоточил внимание на тех недостатках в нашем общественном развитии, на которые указала партия в известных решениях Пленумов ЦК КПСС по вопросам народного хозяйства и в других многочисленных партийных документах. В этом и состоит прежде всего общественная роль творчества В. Тендрякова, сходная с той ролью, которую сыграли в это время и произведения названных выше авторов, составивших весьма заметную и своеобразную линию в современной литературе.

Своеобразие ее состоит, однако, не только в том, что ее выразители (никак, разумеется, между собою организационно не связанные) решали сходные общественные задачи, но и в том, что решали они эти общие задачи совершенно различными художественными средствами. В нашей статье мы и стремились показать своеобразие В. Тендрякова по сравнению, скажем, с В. Овечкиным, М. Жестевым и иными писателями. Это своеобразие (если говорить о самых главных чертах) состоит, как нам кажется, в преимущественном внимании писателя к тем явлениям и сторонам жизни, отрицательная суть которых не видна с первого взгляда и потому часто ускользает от прямого публицистического воздействия. Поэтому, в отличие, скажем, от В. Овечкина, Тендряков в гораздо большей степени «психологичен» (даже в собственно «очерках») и прибегает к той манере письма, которая позволяет ему исподволь, «незаметно» для читателя разоблачать объект его изображения и одновременно утверждать авторскую позицию.

Вместе с тем В. Тендряков, как и В. Овечкин, и Г. Троепольский, при всей критической направленности своего творчества не теряет из виду главного направления советской жизни и главной задачи, стоящей перед любым советским писателем: критика недостатки и отрицательные явления, он утверждает социалистическую действительность, социалистическую мораль. В его произведениях, как мы видели, немало места отведено изображению положительных характеров. Показательна в этом отношении повесть «Тугой узел», где нарисованы образы старого коммуниста Гмызина и юного Саши Комелева. Преимущественное внимание В. Тендрякова к изображению противоречий и недостатков нашего общественного развития объясняется тем,

что именно в годы формирования его таланта на них было обращено общее внимание, к изучению и искоренению их неоднократно призывала советских людей Коммунистическая партия.

Сегодняшняя колхозная действительность во многом уже отличается от той деревни, что была объектом пытливого изучения В. Тендрякова, В. Овечкина и других писателей всего лишь несколько лет назад. Многие из того, о чем мечтали лучшие герои В. Тендрякова, за что они вчера боролись, сегодня уверенно входит в деревенскую жизнь. И сейчас самое важное для писателя — не остаться в кругу уже излюбленных и испытанных тем, образов, проблем. Надо думать, что В. Тендряков, будучи писателем очень чутким и внимательным к жизни, в своих новых произведениях глубоко и всесторонне покажет нам деревню на новом, сегодняшнем этапе ее развития.

